

Глава VI. МАЙ – ИЮЛЬ 1919

Жизнь между тем шла своим чередом, каждый день выдвигая все новые вопросы, ставя новые задачи.

27 мая 1919 г. на запрос командарм 2 Скачко мы сообщали: «...повстанческая заднепровская дивизия состоит из следующих частей: начальник дивизии Махно, начальник штаба Озеров, начальник оперативно-полевого штаба Родионов.

1-я бригада, комбриг Куриленко, нач. штаба Бочаров, имеет 3 полка:

1-й Повстанческий полк, 2-й Мариупольский, 3-й Заднепровский Советский Украинский — количество штыков 7 300, 300 кавалерии, 250 пулеметной команды;

2-я бригада, комбриг Белаш, нач. штаба Давидов, имеет три полка пехоты, 2 кавалерии, пятый Игнатъевский повстанческий полк, четвертый Кременчикский, 6-й Донской, 1-й кавалерийский Советский, 1-й кавалерийский повстанческий, всего 10 000 штыков, кавалерии 2 000;

3-я бригада, комбриг Антощенко, нач. штаба Шевлюк, состоит из трех полков и одного батальона, 1-й Большемихайловский, 3-й Григорьевский, 7-й Заднепровский пехотный полк и 1-й ударный Берестовский батальон — 3 000 штыков. Артиллерийский дивизион при 7-ми орудиях, исправных.

Дивизия имеет такое же количество резерва, но не имеет оружия, кавалерии. Третья часть имеет только шашки.

Одна половина выше указанных штыков имеет разных систем винтовки, как-то “Малянкера”, “Маузер” и итальянские, из всего количества винтовок 1/4 винтовок старого образца системы “Тула”.

Начальник полевого оперативного штаба 1-й Заднепровской повстанческой дивизии — Родионов»[520].

В ответ мы получили приказ командарм 2 со ссылкой на приказ командюж Гиттиса о переобразовании нашей повстанческой дивизии вновь в бригаду.

Практически это означало уменьшение и без того мизерного военного, продовольственного и вещевого снабжения.

Свертывание военных сил и другие акты, направленные против повстанцев, Военный Революционный Совет расценил как действия, подтверждающие слухи о ликвидации махновщины военной силой.

На совещании ВРС Махно высказался за необходимость ухода его с должности комдива, дабы из-за него не страдало повстанчество.

Несмотря на протесты, Махно настоял на отправке в адрес командарма 2 и штаб Южфронта своего заявления.

В телеграмме говорилось: «Я никогда не стремился к высшему званию революционера, как это себе представляет высшее командование, и, оставаясь честным революционером по отношению к революции и народу, заявляю, что с 2-х часов дня сего 28 мая не считаю себя Начальником дивизии, а следовательно и комбригом 3. Представляю право воле каждой бригады составляющим 1 Повстанческую дивизию переходить в ведение командования Южфронта или разбиться на самостоятельные отряды и работать в интересах народа — это их воля. Сам же прошу прислать человека, который бы принял отчетность выдаваемых штабом армии средств. Ибо я как революционер считаю, что больше полезного сделал для революции, чем те, которые приказывают, которые делают как они хотят, а не как этого требуют условия, количество войск и доверие этих войск.

Я больше сделаю в низах народа для революции — я уйду.

Батяка Махно»[521].

По получении этой телеграммы командование 2-й Украинской армии тогда же 28-го мая 1919 г. приказывало:

«Начдив 7 Чикванайя.

С получением сего передать командование боевым участком тов. Трифонову и выехать в Гуляйполе в штаб бригады Махно для приема бригады и назначения в ней нового командования ввиду сложения Махно своих полномочий.

Командарм 2 — Скачко Член Реввоенсовета (неразборчиво)»[522].

Тогда же 28 мая была передана по прямому проводу записка В. И. Ленина Предсовнаркому Украины Раковскому:

«По донесениям Южфронта из всего того, что должен был дать Антонов по приказанию Главкома, прибыло фактически два полка и то небоеспособных. Обещанные Подвойским мобилизованные рабочие не прибывают. Между тем Махно откатывается на запад и обнажает фланг и тыл 13-й армии, открывая свободный путь деникинцам; в направлении на Миллерово противник собирает силы, чтобы пойти на соединение с восставшими казаками. Нам приходится прибегать к героическим мерам вплоть до посылки на юг массами командных курсов, что в ближайшее время может лишить Красную Армию красных командиров, между тем Антонов и Подвойский отделиваются пустыми и хвастливыми телеграммами, которые остаются невыполненными.

Ввиду этого ЦК РКП постановляет: каждую минуту промедления военной помощи Южфронту со стороны Украины считать преступлением, за которое несут полную ответственность

Антонов и Подвойский. Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на вашем Западном фронте. Послать уполномоченных в Харьков и Екатеринослав для поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих для Южного фронта под их личной ответственностью. Антонов обязуется в течение трех дней дать Южному фронту все подкрепления, которые от него затребовал Полевой штаб. Эшелоны должны начать отправку не позже чем через 24 часа после получения этого постановления в Киеве...»[523].

И тогда же 28 мая командюж Гиттис в своем приказе командованию 13-й и 8-й армий указывал:

«1. Противник значительными силами теснит правый фланг 13-й армии и угрожает захватом Бахмута.

2. Наши части под давлением противника медленно отходят...»[524].

Чувствовалось общее и хорошо подготовленное наступление Деникина по всему фронту.

Еще 21 мая под угрозой с тыла, рейдирующей конницы генерала Улагая, Ю-я армия оставила рубеж Маныча в районе Великокняжеской (Пролетарская). Поспешный отход 9-й армии, обнажившей фланг, а затем и тыловые коммуникации 10-й армии, вынудил последнюю к быстрому отступлению переходами по 40–50 км в день вдоль железной дороги Торговая-Царицын[525].

25 мая белоэстонцы совместно с белогвардейцами захватили Псков[526]. 27 мая белые взяли Луганск[527], Шкуро занял Ясиноватую и Криничную. 29 мая Шкуро занял ст. Никитовку, Горловку, Енакиево. Гришине было сдано 13-й армией вообще без боя, без выстрела. В этот же день противник занял станции Хацапетовку и Дебальцево[528].

Тогда же 29 мая фронт 9-й армии оказался прорванным и белогвардейцы приближались уже к станции Миллерово, углубившись в расположение 9-й армии на 75 км[529].

30 мая части 13-й армии оставили Бахмут[530] и, почти утратив боеспособность, начали безостановочный отход на север. Отступление 13-й армии повлекло за собой отход войск 8-й армии[531].

Таким образом, во второй половине мая 1919 г. обстановка на Южном фронте резко изменилась. Инициатива перешла в руки противника. Контрудар противника в Донском бассейне и его наступательные операции против 10-й и 9-й армий переросли в общее контрнаступление белогвардейских войск на всем протяжении фронта от Азовского моря до среднего течения Волги[532].

Южфронт трещал по швам. Солдаты устали от борьбы, пали духом, наблюдалось массовое безразличие, растущая дезорганизация войск, недавние поражения создавали критическую ситуацию. Армии Южфронта теряли стремление и способность к победе. Дезертирство росло. Так, например, при отправке из Харькова на фронт из состава бригады скрылись 1 500 бойцов[533].

Время было грозное.

Но вместо того, чтобы всех способных владеть оружием привлечь на борьбу, сплотить их перед общей опасностью, поставить общие задачи, Троцкий повел раскольническую политику, направленную именно на развал фронта.

Реввоенсовет 2-й Украинской Армии в своей телеграмме командюж и украинскому руководству от 24 мая указывал на необходимость не расформирования, а признания Первой Повстанческой Украинской дивизии им. батьки Махно и предсказывал развитие дальнейших событий в этом плане.

Но командюж выполнил указание Троцкого и издал приказ о преобразовании дивизии вновь в 3-ю бригаду 7-й дивизии.

По этому поводу на 29 мая в Гуляйполе срочно собрался руководящий состав и штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии.

Решали, как быть. И все сошлись на одном – не ослаблять, а всячески укреплять фронт.

Поручалось Исполкому Военно-Революционного Совета Гуляйпольского района изыскать средства и возможность к защите района от врагов.

Единогласно был утвержден текст телеграммы, которую отправили адресатам:

«Из штаба 1-й Повстанческой дивизии, 858 БСЛ 29.13.16 Военная; вне очереди. Козлов Командюжфронта, Киев комфронта Антонову, Штарм 2-й, Киев Совнарком Раковскому, Наркомвоен Межлауку, Москва Кремль Ленину, Харьков Совобороны Каменеву.

Штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии, обсудив сообщение Южфронта о том, что Первая Повстанческая Украинская дивизия вновь обращается в 3-ю бригаду, выражает свое категорическое несогласие с постановлением Южфронта.

Штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии глубоко протестует против несправедливого обращения Южфронта с вождем повстанцев т. Махно, и, кроме того, усматривает в постановлении Южфронта роковые последствия, могущие принести неисчислимы бедствия революции как на фронте, так и в тылу. В этом отношении штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно считает обязательным для себя высказать Южфронту, а также центральным властям Украины и России следующие соображения: Повстанчество на Украине началось отчаянными схватками борьбы крестьян против поработителей всякого рода, начиная с гетмана и кончая Петлюрой. С течением времени это стремительное и не имеющее, что терять, повстанчество сформировало регулярные полки и развернуло широкий фронт против контрреволюции со стороны Деникина. С самых первых дней повстанчества, душой его и неутомимым работником был тов. Нестор Махно, который и оказался естественным командиром бригады и дивизии, поставленным на эти посты фронтовым съездом повстанцев. Все одиннадцать полков повстанцев, входящие в Первую Повстанческую Украинскую дивизию, считают тов. Махно своим наиболее близким и естественным вождем, поставленным всеми трудностями

и длинным путем революции. Абсолютно верно, что с уходом тов. Махно со своего поста, целые бригады не примут ничьего другого командования. Несомненно это отзовется губительным образом на фронте и на тыле революции. Поэтому штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии имени батько Махно постановил:

1. настоятельно предложить тов. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые тов. Махно пытался было сложить с себя;
2. все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, артиллерийская бригада и другие технические и вспомогательные части преобразовать в самостоятельную Повстанческую армию, поручив руководство этой армией тов. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южфронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта.

Все оперативные распоряжения Повстанческой армии будут неукоснительно сообщаться всему командованию. Доводя обо всем до сведения Южфронта и центральных властей Украинской и Российской советских республик, штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии предлагает центральным властям республики обратить настоятельное внимание на следующее дополнительное заявление: как тов. Махно, так и весь штаб Повстанческих войск являются подлинными революционерами, борющимися за идеалы социальной революции. Поэтому они считают оскорбительным для себя и недопустимым для революционера отношение к ним тех или иных ответственных членов Советской власти с задними мыслями, как, например, брошенное в присутствии делегации нашей по адресу тов. Махно туманное, двусмысленное выражение Дыбенко: “одному бандиту намяли бока, другой не полезет”. И это в то время, когда авантюра Григорьева встретила в тов. Махно, как в революционере, самого энергичного и непримиримого противника, о чем говорят три номера газеты “Путь к Свободе” и специально выпущенное воззвание к населению Украины.

Веря в торжество социальной революции, абсолютную преданность ей как со стороны ответственных вождей республики в лице Ленина, Луначарского, Каменева, так и со стороны вождей революционного повстанчества, тов. Махно и других, которые в общем являются сынами революции, штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии категорически заявляет, что все возможные недоразумения, создаваемые обыкновенно неверной информацией агентов власти, безусловно могут и должны быть устранены товарищеским путем.

Штаб Первой Повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно.

29 мая 1919 г. Гуляй-Поле»[534].

Командование Южфронта при сложившейся обстановке было бессильно предпринять что-либо реальное и ограничилось угрозой, направленной для исполнения РВС 2-й Украинской армии:

«Реввоенсовету указывает, что действия и заявления Махно являются преступлением. Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, Махно своими

заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, почему Реввоенсовету 2-й армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары.

ПР 4633 Реввоенсовет Южфронта В. Гиттис, А. Колегаев»[535].

Но, как указывалось выше, 2-я Украинская армия в данный период только и состояла из 1-й Повстанческой дивизии. Для выполнения этого приказа не нашлось ни единого солдата, и приказ повис в воздухе.

Командарм 2 Скачко вспоминал в своих мемуарах:[536]

«Троцкий предлагал захватить дерзкого партизана Махно и доставить на суд и расправу.

Я ответил:

Благовольте для выполнения вашего приказания выслать в мое распоряжение две полночисленные и не партизанские дивизии. Командарм 2 Скачко.»

Но не такой Троцкий был человек, чтобы остановиться на полдороги. Он затребовал от Раковского кандидатуру для «почетной» миссии карателя махновщины.

Раковский, как Председатель Совета Оборона Украины, предложил проявившего себя в подавлении Григорьева П. Дыбенко. Но К. Ворошилов тоже отличился в подавлении Григорьева, и Межлаук, проявив административное рвение, предложил на это дело добровольца К. Ворошилова, на что Раковский 30 мая телеграфировал:

«Харьков, тов. Ворошилову, тов. Межлауку.

Кандидатуру Дыбенко по ликвидации махновщины мы снимаем и предлагаем кандидатуру Ворошилова.

Мы Дыбенко не назначали, а только предложили его кандидатуру Реввоенсовету Республики.

30 мая 1919 года. НР 1955 Председатель Совета Оборона Раковский»[537].

А мы в это время, удерживая железную дорогу Мариуполь–Волноваха, вели жесточайший бой со шкуровцами, рвавшимися к нам в тыл, в 20 верстах северо-западнее ст. Волновахи[538].

Ввиду ожесточенных боев и отсутствия подкрепления и патронов, 3-я бригада нашей дивизии была настолько потрепана, что решено было ее участок передать 1-й бригаде, занимавшей линию фронта от с. Чермалык на юг по течению р. Кальмиус.

В результате нашей жестокой обороны Шкуро перенес свои атаки на участок 13-й армии и к 31-му мая разбил главные силы. Перед ним было совершенно открытое пространство на север в сторону г. Славянска и г. Харькова равно как и на участке 8-й армии от Миллерово на северо-восток противник имел доступ к повстанцам-казакам Новохоперского округа.

Командюж Гиттис 31 мая 1919 г. докладывал Главкому:

«Несмотря на ряд ваших приказаний, с Укрфронта не прибыло ни одной части, вследствие чего 13 армия, не получая поддержек, совершенно истрепанная, в беспорядке отхлынула на север, оставив Бахмут, и обнажила правый фланг 8-й армии, который был обойден противником...»[539].

31 мая командарм 2 Скачко докладывал:

«Прорыв 13-й и 2-й Украинской армиями распространяется от Межевой до Славянска и достигает 80 верст (вся линия фронта соседней 13-й армии. — А. Б.). На этом промежутке у нас нет никаких войск. Спасти положение и уничтожить прорыв сейчас возможно только исключительно при помощи смелого маневра во фланг и тыл зарывшемуся противнику...»[540].

Но где же подкрепление, над которым ломали себе голову и военкоматы, и профсоюзы, и государственные и общественные организации на Украине? Его не было! Оно, якобы, где-то в глубине страны формировалось. А фронт держался своей израсходованной силой и был без патронов, снарядов и хлеба.

Противник развивал свой успех. 13-й и 8-й армий почти не существовало — они были разбиты и бежали самым настоящим образом на север, нависая на железные дороги.

Грановский, ссылаясь на заявление Махно от 28 мая, сообщал Раковскому, Петровскому и Пятакову:

«Махно объявил, что снимает с себя ответственность за происходящее на фронте и предлагает своим войскам расходиться или подчиниться Советскому командованию, сам уходит работать в низы.

Паника на фронте создается отчаянная, меры приняты, высланы всюду заградительные отряды.

Гришине взято нами обратно, Константиновка тоже, здесь подготавливается все для всеобщей мобилизации.

Находившийся в Купьянске батальон взбунтовался, хочет идти к Махно, его первые шаги не парализованы. Меры приняты. Необходимо разрубить узел по вопросу командования второй, тринадцатой, восьмой армий, которые поднимает Ворошилов, настроенный против Дыбенко, иначе путаница, губительно отражающаяся на ликвидации паники и дальнейшей борьбе с противником.

О войсках Махно и его намерениях здесь абсолютно никто не знает. Грановский»[541].

Тогда же 31-го мая из РВС Республики, то есть от Троцкого, в адрес Раковского и замнаркома Межлаука поступила телеграмма:

«Приведение 2-й Украинской армии в надлежащий вид возлагается на товарищей Ворошилова и Межлаука немедленно. По сокрушении главных Григорьевских сил товарищ Ворошилов должен перебросить наиболее надежные части, которыми командует, на помощь 2-й Укрармии, с одной стороны, для противодействия корпусу Шкуро, с другой стороны, для упорядочения бригады Махно. В помощь товарищу Ворошилову и Межлауку будут посланы Южфронтом и Москвой политработники, красные офицеры и вообще командный состав, задача сводится к тому, чтобы использовать эффект разгрома григорьевских банд и, подтянув достаточно надежные части, расколоть Махно в этих целях, устранив верхушку, подтянуть вниз. Товарищам Ворошилову, Межлауку сообщить немедленно»[542].

Участок фронта Мариуполь–Волноваха–Велико-Анадоль, занимаемый нашей дивизией, устоявший перед бешеным натиском деникинцев и являвшийся опасным для них плацдармом возможного контрнаступления, решил сокрушить сам Троцкий.

Приведенные выше документы говорят, что были тяжелые бои, но мы держали фронт: еще и слова не было сказано о созыве экстренного съезда Гуляйпольского округа на 15 июня 1919 г., а Троцкий готовил войска для ликвидации махновщины. В дальнейшем он будет мотивировать свои действия тем, что махновцы, якобы, открыли деникинцам фронт и собирались провести контрреволюционный съезд.

А между тем 31 мая командукр Антонов-Овсеенко получил от ЦК требование — в три дня дать Южфронту все затребованное главкомом.

Командукр отвечал:

«Выполнить предписанное вами — дать в три дня все затребованное главкомом для Южфронта — не могу. За последний месяц затребовано от меня пять бригад пехоты с артиллерией, одна кавалерийская бригада. Пока послано Южфронту два кавалерийских полка, две бригады пехоты, три бронепоезда. Сегодня и завтра отправляются два бронеотделения, 3 броневика и кавалерийский особый полк с двумя броневиками. Вчера начали грузиться в Одессе два пехотных полка с батареями. Остальные 7 пехотных полков не могу отправить даже в течение недели. С Западного фронта уже сняты и находятся в чистке, в Киеве два полка, один из них всего 650 штыков, другой 1 500, но командный его состав нужно сменить; через два дня снимается с фронта Чигиринский полк — 1 300 штыков, и может быть Новгород-Северская бригада до 2 000 штыков. Все это страшно переутомлено от почти непрерывных походов, боев и лишений, нуждается в чистке и пополнениях. Новгород-Северская бригада сдерживает на Шепетовском направлении напор шести гайдамацких полков и сменить ее трудно.

Восстания не прекращаются во всей правобережной Украине. Григорьев действует партизанскими отрядами. Все узловые станции приходится занимать сильными частями и,

кроме того, иметь маневренные группы. Поэтому, в полном сознании своей ответственности за оборону Советской власти на Украине, заявляю: выполнить ваши приказания не могу. Делаю все, что могу, в понуканиях не нуждаюсь. Или доверие или отставка»[543].

Революционно честный, отлично понимающий обстановку на Украине, патриотически настроенный, Командующий войсками Украины Антонов-Овсеенко мешал Троцкому и был отстранен им от командования войсками и вообще отозван с Украины.

Это отстранение из состава военных руководителей нанесло громадный моральный и политический ущерб в сражающихся войсках, но развязало руки Троцкому.

Мы тем временем жили заботами о фронте. Пополнение отсутствовало, снабжение ухудшалось, боеприпасов почти не было.

Махно терроризировал продорганы и органы снабжения вообще, не будучи в состоянии своим аппаратом выполнить требования боевого участка дивизии.

Последнее время одежда, сырье, металл, уголь, плуги, косилки — все шло в Гуляйполе. Получая для дивизии деньги (жалование войскам), он не всегда посылал их бригадам, отчего бойцы периодически не получали скудного красноармейского пайка. Он транжирил ими в Гуляйполе, используя не по назначению. По этим вопросам мы часто ссорились и доходили до серьезного, чуть ли не расхождения, вынося Махно и штабу порицание и недоверие. Но всякий раз, как дело принимало серьезный оборот, набатовцы нас мирили.

Они говорили: «Что вы заботитесь о большевиках! Посмотрите, как они прибирают богатство страны к своим рукам, как диктаторски управляют народом, как монополизировать Украинскую революцию, Советы депутатов! Стоит о них говорить! Вот, когда гуляйпольские заводы начнут выпускать патроны, снаряды, шашки, тогда никто из вас не захочет не только спорить, но вспоминать о них.

Уголь нам необходим, его надо привезти в Гуляйполе, которое должно стать анархической крепостью, военной базой, ибо без этого мы не управимся с врагами народа!

Наши заводы должны не только ремонтировать, но дать новую военную продукцию. Нужно в данный момент военизировать весь район. База для этого есть. Нужны средства и материалы. Ведь большевики даже в обмен на хлеб и уголь боеприпасов и оружия нам не дают. Надежды на помощь с их стороны нет, и мы уже приступили к военизации промышленности.

Будут у нас свои патроны и гранаты, снаряды и проволочные заграждения...».

С момента, когда основательно потерялась связь с командармом 2 Скачко, я имел постоянную непосредственную связь со штабом в Гуляйполе. От штаба Махно я требовал организации прочного тыла и перехода отделов формирования в военкоматы, которые были бы ответственны за пополнение; напоминал об организации снабжения боеприпасами и продовольствием; о финансах, печати, об охране общественного порядка, создания правосудия и союза с компартией. Но наши тыловики, задурив голову алкоголем, который

распивался целыми бочками, не находили нужным отвечать.

Когда силы дивизии выдохлись, когда красное командование смотрело на нас, как на своих противников, отказывая в боеприпасах, тогда Махно насторожился.

Военно-Революционный совет Гуляйпольского района, видя, что в районе процветает хаос, что надо спасать себя и фронт, решил созвать 4-й экстренный съезд.

Цель работы съезда — выработка решений, обеспечивающих организацию обороны района от нашествия денкинцев, и диктовался он практическими потребностями.

Анархо-эсеры планировали предложить съезду резолюцию, которая соперничала бы с резолюцией Всеукраинского съезда волостных исполкомов. Они часто обменивались между собой мнением и решали вопрос об использовании григорьевщины, присоединении ее к махновщине. Но, так как политическая физиономия Григорьева в достаточной мере выяснилась, то анархисты-коммунисты, в том числе и штаб дивизии Махно, ни при каких условиях на это не соглашались.

Ко мне в Волноваху наехали гости, которые на днях были освобождены из екатеринославской тюрьмы. Здесь были анархисты и эсеры. Между ними шли горячие споры, в это время я получил телеграмму № 455, в ней говорилось:

«Всем исполкомам уезда, волости и советам уездов: Александровского, Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского, Павлоградского, Бахмутского и всем другим волостям и сельским революционным советам рядом расположенным с сельскими советами и всем повстанческим частям 1-й Украинской Повстанческой дивизии имени батько Махно и Красноармейским частям, расположенным в районе данной местности.

Исполком Революционного Совета Гуляйпольского района, на заседании своем от 30-го мая, обсудив создавшееся положение на фронте, в связи с наступлением белогвардейских банд и принимая во внимание политическое и экономическое положение Советской власти в данный момент находит, что выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями. На основании изложенного, исполком Военно-Революционного Совета Гуляйпольского района постановил созвать экстренный съезд Гуляйпольского округа на 15 июня нового стиля 1919 г. в селе Гуляй-Поле.

Нормы представительства:

1. крестьяне и рабочие на 3 000 чел. населения выбирают одного делегата;
2. повстанцы и красноармейцы делегируют по одному представителю от каждой отдельной части (полка, дивизиона и т. д.);
3. от штабов, дивизии батько Махно по два делегата, от бригад по одному делегату;
4. от уездных исполкомов по одному представителю от каждой фракции;
5. уездные партийные организации, стоящие на платформе Советского строя, делегируют по одному представителю.

Примечание: А. Выборы делегатов от трудовых крестьян и рабочих должны происходить на общих волостных, сельских, заводских и фабричных собраниях, а отнюдь не на отдельных собраниях членов советов фабрично-заводских комитетов. Б. За отсутствием в распоряжении Воен. Рев. Совета наличных средств посылаемые делегаты должны снабжаться необходимыми продуктами и средствами. В. Посылаемых на съезд делегатов от общих собраний избирателей снабжать наказами для более точного выражения подлинной воли крестьян и рабочих, и протоколами об избрании их общими собраниями.

Повестка дня: А. Доклад исполкома Воен. Рев. Совета и доклады с мест. Б. Текущий момент. В. Цель, значение и задачи окружного Гуляйпольского совета крестьянских, рабочих, повстанческих и красноармейских депутатов. Г. Реорганизация районного Воен. Рев. совета. Д. Постановка военного дела в округе.

Вопросы: продовольственный, земельный, финансовый и о союзах трудового крестьянства и рабочих. Об охране крестьянства и рабочих. Об охране общественного порядка. Об установлении правосудия в округе. Текущие дела.

Всем исполкомам уездным, волостным и сельским начальникам телеграфных станций, начальникам повстанческих и красноармейских частей, всем военревсоветам предлагается с получением сего немедленно опубликовать настоящую телеграмму в местных газетах и в отдельных листках и расклеить на видных местах. Всячески стараться довести до сведения всего трудового населения.

Лица, противодействующие сему, будут считаться контрреволюционерами и неподчиняющимися воле трудовых масс.

Председатель исполкома Чернокнижный.

Товарищ председателя Коган.

Члены: Тютюнников, Коваль, Шульга.

Секретарь Коробов.

Гуляй-Поле, 31-го мая 1919 г. № 117»[544].

— Великолепно, хорошо идут дела, только с фронтом как? — Да что фронт — ерунда, — главное тыл, а что Троцкий, Каменев — все они одинаковые, — заговорили сразу несколько человек.

И вновь затараторили о назревавших событиях, волновались за судьбу секретариата конфедерации Набат, который во главе с Волиным[545] должен был прибыть в Гуляйполе.

— Но винтовки, патроны, пулеметы, орудия, деньги, где возьмешь? — слышались голоса. — Все это сосредоточено в руках Совправительства. Стало быть, в короткий промежуток времени своего не создашь, надо обращаться к правительству, которого мы не признаем. Правительство нас лишило всего этого, что будешь делать голыми руками?

— Съезды созываются нами на законном основании революции, для решения проблем не в ущерб завоеваниям революции, а для защиты ее.

— Что шумишь: правительство, правительство. Ведь решили раз навсегда и надо держаться. Постановили обеспечить независимость, имеем свое влияние на весь район, и что же, запугаешь нас?

— Ведь могли большевики объявить Донецко-Криворожскую республику, могли объявить Крымскую республику? Это вообще отдельные государства, со своими правительствами, армиями. И не постеснялись.

— А как они захватывают власть? Пока мы ведем бой, большевики, хотя бы их было двое, вывешивают красный флаг и объявляют себя властью в населенном пункте. Вот так было и в Бердянске. На сегодняшний день в коммунистической ячейке города 55 членов партии[546], а сколько шума поднимают от имени народа, как будто их там целая армия. Вот подойдет съезд, придет секретариат и, уверен, обязательно вступим с Украиной в договорные отношения, да не такие, в каких сейчас, а самые настоящие. Тогда мы скажем: дай оружие — получи хлеб, уголь, — слышались голоса.

Поезд ушел на Мариуполь, группа анархистов уехала.

1 июня 1919 г. в сводке управления особого отдела по военным делам Южного направления Украинского фронта сообщалось:

«...После разгромов некоторых отрядов григорьевцев, почти все главари и примкнувшие к ним офицеры из Одесских и иных “добровольческих” отрядов разбежались по Украине и живут по сфабрикованным документам.

Последнее время усилился поток разного рода беглецов на юго-восток Украины.

Усиленно на юге Киевской, Полтавской и Екатеринославской губерний говорят о новом восстании Махно, к которому и бегут григорьевцы.

Карательные отряды Советской власти иногда еще действуют немного поспешно и немного сурово по отношению крестьян, главным образом, за укрытие у себя “григорьевцев”, которых, тоже грозящих и вооруженных, они не могли не принять. Крестьяне между молотом и наковальней.

Народ страдает и обезумел от отчаяния и озлобления. Этим пользуются враги и, учитывая довольно значительное участие евреев в делах местной власти, ведут антиеврейскую и попутно антисоветскую агитацию»[547].

Фронтовые дела на север от нас все ухудшались и мы в штабе обсуждали перспективу развития этих новостей. Вскоре зашли ко мне коммунисты.

— Ничего не понимаю, ничего! Мы здесь как козлы отпущения. Вечно на фронте, в грязи, пыли, без патронов, а он ишь, что пишет!.. Нет, нет! Троцкий не мог этого написать, ведь

махновцы отлично сражаются на фронте, да еще без патронов! — волновался политком одного нашего пслка, тавричанин и старый большевик.

Он подал мне газету «В пути» № 51 от 6 июня 1919 г., в которой была помещена за подписью Троцкого статья «Махновщина».

— Ну посмотри, какую здесь пишут глупость, — продолжал политком. — Это что? Война с махновцами?! Но как же фронт, революция, Деникин? Кошмар какой-то! — беспомощно опустил на стул политком.

Я начал вслух читать:

«Есть Советская Великороссия, есть Советская Украина. А рядом с ними существует одно мало известное государство: это Гуляй-Поле. Там правит штаб некоего Махно. Сперва у него был партизанский отряд, потом бригада, затем, кажется дивизия, а теперь все это перекраивается чуть ли не в особую повстанческую армию...

Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании “отрицают” государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян.

Но махновцы не решаются открыто сказать, что они против Советской власти. Они хитрят и виляют. Советскую власть на местах они, мол, признают, но центральную власть отрицают...

Контрреволюционеры всех мастей ненавидят коммунистическую партию. Такое же чувство питают к коммунистам и махновцы. Отсюда глубочайшие симпатии всех погромщиков и черносотенных прохвостов к “беспартийному” знамени махновцев. Гуляйпольские кулаки, мариупольские спекулянты с восторгом подпевают махновцам. “Мы не признаем государственной власти, которая требует угля и хлеба. Что мы захватили, тем и владеем.”

В этом отношении, как и во всех остальных, махновцы ничем не отличаются от григорьевцев. Григорьев тоже восставал против центральной власти во имя местных беспартийных советов, то есть против организованной воли всего рабочего класса во имя отдельных кулацких групп и банд. Недаром же, поднимая знамя дикого погромного мятежа и принимаясь истреблять коммунистов, Григорьев призывал “батьку” Махно заключить с ним погромный союз. Правда, Махно воздержался.

“Армия” Махно — это худший вид партизанщины, хотя в ней немало хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой “армии” не найти. Никакой организации снабжения. Продовольствие, обмундирование, боевые припасы захватываются, где попало, расходуются, как попало. Сражается эта “армия” тоже по вдохновению. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, то есть когда нет серьезного сопротивления, при первом крепком толчке неприятеля бросаются врассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров.

В этой армии командиры выборные. Махновцы с хрипом кричат: “Долой назначенцев!” Этим они только вводят в обман темную часть собственных солдат. О назначенцах можно было говорить при буржуазном строе, когда царские чиновники или буржуазные министры назначали по своему усмотрению командиров, державших солдатскую массу в подчинении буржуазным классам. Теперь у нас нет другой власти, кроме власти выборных от всего рабочего класса и трудового крестьянства. Следовательно, командиры, назначенные центральной Советской властью, поставлены волей трудовых миллионов. Махновские же командиры отражают интересы ничтожной анархической кучки, опирающейся на кулака и темноту.

Противонародный характер махновщины ярче всего сказывается на том, что Гуляйпольская “армия” так и называется “армией Махно”. Здесь вооруженные люди объединяются не вокруг программы, не вокруг идейного знамени, а вокруг лица. Совершенно то же было и у Григорьева. В Советской Украине и в Советской России полки и дивизии являются в руках всего рабочего класса. В Гуляйпольском государстве вооруженные отряды являются орудием в руках гражданина Махно. К чему это приводит, мы видели.

Таково Гуляйпольское государство и Гуляйпольская “армия”. Поскобли махновца, найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу...

Нет, с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз и навсегда. Так, чтобы никому больше повадно не было.

Л. Троцкий.

Купянск–Харьков 2-го июня 1919 г.»

Троцкий был в своем амплуа. Статью отпечатали почти во всех губернских газетах.

Сработали смело, но слепо.

На Украине уже довольно хорошо знали Троцкого и его актив, и знали Махно.

Знали и понимали, что декрет от 16 мая 1919 г., который временно возвращал часть незасеянных весной земель сахарных заводов крестьянам[548] и другие временные «уступки» являются показателем банкротства и отсутствием влияния троцкистов на крестьян, а призыв в армию — конкретный показатель реакции населения на те эксперименты, которые творились ими на Украине.

Приток добровольцев в армию почти прекратился, и к концу мая 1919 г. лишь в 55 уездах был проведен учет военнообязанных, и из 900 тысяч взятых на учет, только 90 тыс. были мобилизованы в армию[549]. Принцип обязательности военной службы советскому отечеству остался совершенно не привитым украинскому крестьянству и рабочим[550].

Но и тех редких мобилизованных не знали, куда деть, так как, судя по многочисленным документам, эти пополнения способствовали разложению существующих воинских частей.

Те софистские, пропагандистские выпады в прессе не могли поднять авторитет политиканов, дорвавшихся до власти, а скорее наоборот.

2 июня командукр Антонов-Овсеенко, обеспокоенный межведомственными неурядицами с Наркомвоен Украины Подвойским, писал ему:

«Дорогой Николай Ильич!

Не время воевать меж собою. Назначьте время и место на сегодня к вечеру для встречи. Нужно столкнуться о возможной помощи Донбассу и всему Южному фронту. Там положение грозное. 13-я, 8-я и 10-я армии почти уничтожены. Потери не только Юзово, Гришине, но Бахмут, Попасная, Миллерово (уже стоим у Чертково), потеряна не только линия Маныча, но бой идет на р. Аксай в 130 верстах к юго-востоку от Царицына и в 150 от Торговой, на которой недавно стояли. Астрахань под угрозой. Царицын в клещах (уральцы развивают наступление и находятся верстах в 100 к северо-востоку от Царицына). Советская власть на всем юге под вопросом. Кольцо черносотенное грозит сомкнуться. Необходимо при свидании иметь точные данные о наших силах и средствах.

2 июня 1919 г. 11 часов. Антонов»[551].

И тогда же командукр приказывал:

«Одесса Худякову, Щаденко.

Положение Южфронта: потери — Константиновка, Бахмут, Миллерово и вся линия от Великокняжеска до Котельникова. Только удар на Таганрог может улучшить положение. Этот удар начат, взята обратно Волноваха; надо развить успех. Оставьте только самое необходимое для удержания линии Днестра и очищения местности от шаек и все остальное экстренными поездами направляйте Синельниково командарм 2...»[552].

Но Реввоенсовет Республики во главе с Троцким открыто шел на разрыв, тем самым подвергая опасности партийцев, находящихся до сего времени в махновщине; положение их было не сладкое! Они начали от нас поспешно удирать.

Троцкий не имел людей, которым можно было бы передоверить столь щекотливое дело — ликвидацию махновщины в столь грозное, напряженное время, поэтому не «карающий меч революции», а топор мясника в руки взял сам.

Из-под его пера вышло секретное распоряжение № 96/с от 3 июня 1919 г., предопределившее состояние борьбы с Деникиным на Украине и приведшее деникинцев под Тулу.

В нем говорилось:

«...1. Первейшей задачей Второй Украинской армии является разрушение военной организации махновцев, причем эта задача должна быть разрешена не позже 15 июня.

2. С этой целью при содействии Реввоенсовета 2-й Украинской армии открывается немедленно широкая агитация против махновщины с целью подготовить общественное мнение армии и рабочих масс к полной ликвидации «армии Махно».
3. Выдача денег, боевых припасов и вообще какого бы то ни было военного имущества штабу Махно немедленно и совершенно прекращается под страхом строжайшей ответственности.
4. В качестве военной силы для ликвидации махновщины и для упрочения крайнего правого участка Южфронта в первую голову намечаются: Московский 12 полк, кавалерийский полк, Луганский, Бахмутский стрелковые полки, отряд курсантов, бронепоезда, бронеотряды и Московский отряд особого назначения.
5. В район расположения махновцев должны быть немедленно отправлены мелкие и опытные работники с целью разведки и соответственного воздействия на мнение солдат и крестьянских масс, подвергшихся влиянию махновщины.
6. Ликвидация махновщины должна быть проведена со всей решительностью твердостью, без проволочек и колебаний...

Л. Троцкий»[553].

И буквально на следующий день — 4 июня 1919 года Троцкий подписал еще один приказ за № 104. В нем говорилось:

«Принимая во внимание расформирование Украинского фронта, Реввоенсовет Российской Социалистической Федеративной Советской Республики постановляет:

1. Части нынешней 2 Украинской армии совместно с теми частями, которые прибыли и придут сюда из других областей федеративной республики, объединяются в одну армию, которой отныне именоваться 14 армией. Означенная армия во всех отношениях подчиняется Реввоенсовету Южного фронта.
2. Нынешние 1 и 3 Украинские армии объединяются под общим командованием и образуют 12 армию РСФСР...»[554].

Тем временем, Деникин продолжал развивать наступление в четырех направлениях: Царицын, Воронеж, Харьков и Киев. В сторону Воронежа он выдвинулся на ст. Миллерово, а к Харькову — 4-го занял ст. Яму и Краматорскую[555].

Таким образом, красный участок фронта к северу от махновцев был совершенно свободным от войск и 13-я армия, разбитая с тыла и фронта конницей Шкуро, отступала к Лозовой-Харькову.

Третьего июня прибыли на Волноваху Махно и Аршинов. Они возмущались поведением Троцкого, и Махно рассказывал:

— Как не возмутительно! Вызывает меня к аппарату Троцкий и говорит:

— Шкуро угрожает Харькову, 13-я армия выворачивается от удара и с боем продолжает отход за Донец. От Славянска до Гришине фронт открыт. Предлагаю его занять своими войсками и принять на себя ответственность за дальнейшую судьбу этого участка.

— Я доложил ему о состоянии фронта, наших потерях, полном отсутствии боеприпасов, о том, что на нашем участке от Азовского моря до ст. Еленовки действуют одна пехотная и две конных дивизии противника[556] при пулеметах, орудиях, танках, бронепоездах, самолетах. Кроме того, прикрывая свой тыл, мы должны держать фронт на запад от Велико-Анадолья по рекам Сухие Ялы, Волчья и по побережью Азовского моря, но он и слушать не хотел.

Я говорю ему, что нет сил защищать имеющийся участок и что никак не могу растянуть его на новую сотню верст, тем более, при полном отсутствии боеприпасов. А он и слушать не хочет.

— Я, — говорит он, — председатель Реввоенсовета Республики, приказываю занять!

— Я обратил его внимание, — продолжал Махно, — на нереальность выполнения такого приказа. Не могу... бессилён... винтовок, патронов, снарядов... нет! Он стоит на своем.

— Приказываю! — Стал запугивать.

— Перетягивали канат, пока он не вывел меня из терпения. Я ему напоследок и сказал: «Пошел ты, мухомор, к такой матери!». — Связь прервалась.

Обозлили людей, предали и развалили фронт, поставили нас перед фактом своего банкротства, а теперь проявляют агрессивную нетерпимость в этой обычной своей жвачке лицемерия и лицедейства.

Ну, как мы могли бы взять на себя защиту нового участка в 100 верст когда еле удерживаем до Велико-Анадолья, он что, совсем нас погубить взялся, — возмущался Махно.

Противник переходил в наступление. Удерживая за собой две недели Гришине и Юзово, он подвергал нас тыловым ударам. И если мы выдержали тыловой удар Шкуро и не разложились 20-го – 22-го мая, как разложилась 13-я армия к северу от нас, то с 4-го июня наступил период, когда мы ввиду отсутствия боеприпасов и наличия предательского распоряжения Троцкого № 96/с, лишившего нас боеприпасов, не могли продолжать военных действий.

Не успел Махно закончить рассказ о беседе с Троцким, как со стороны Юзово шкуровцы при бронепоезде «Иван Калита», вооруженном 6-ти дюймовыми орудиями, повели атаку на В. Анадоль. Одновременно с тем со стороны Сило, Игнатьевки и Карани стрелковые полки: Волынский, лейб-гвардейский, Петроградский, а южнее три полка генерала Виноградова повели наступление против нашего участка и на 10–15 верст потеснили нас к западу. Но перейдя в контр наступление, мы вновь заняли Велико-Анадоль, Волноваху, подбив с орудий «Ивана Калиту». Однако не долго занимали старые позиции и к ночи сдали противнику Велико-Анадоль, Волноваху, Мариуполь.

Одновременно с этим Шкуро, разгромив полки 13-й армии в районе Юзово-Гришино, отдохнув, двинулся на юго-запад в наш район, в наш тыл.

Белая газета писала об этом 3 июня 1919 г.:

«...Доблестные конные части генерала Шкуро вновь перешли в решительное наступление вдоль желдороги на Екатеринослав и в направлении на Пологи и Цареконстантиновку. Рядом лихих атак в районе желдороги к запад от Гришине (фронт 13-й армии. — А. Б.) красные, понеся потери, в беспорядке бегут к станции Чаплино...

Одновременно с этим лихие партизаны генерала Шкуро, направившись в тыл противника, имея общее направление на Пологи и Цареконстантиновку, сбили два полка красных в районе сел Андреевка, Алексеевка, Богатырь... Северо-западнее Мариуполя славные кубанские пластуны взяли станцию Чердакли»[557].

Но мы тогда никакой информации о наступлении Шкуро не имели.

Измученные жестокими боями, наши полки без патронов, ибо красное командование окончательно нас блокировало, снова переходили в атаку и вновь занимали несколько раз линию Мариуполь–Велико-Анадоль.

4-го июня Махно опубликовал призыв, в котором писал:

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Прочеть на всех сельских и волостных сходах, на всех заводах, во всех частях войск имени батько Махно.

Товарищи рабочие и крестьяне!.. Революция в опасности!

Российские части, не выдержав натиска контрреволюционных деникинских банд, отступили. Банды, проникнув глубоко в наш тыл, насилуют женщин, уводят всю молодежь в свои ряды, опустошают села. Еще один, два промаха в наших общих действиях и революция погибнет. Необходима сплоченность, единение. Только при общем усилии и сознании, при общем понимании нашей борьбы и наших общих интересов, за которые мы боремся, мы спасаем революцию.

Поспешите, товарищи, войти в общие революционные ряды и противопоставить свою революционную мощь контрреволюционному юнкерскому Белому Дону, который несет смерть для революции, гибель для всех завоеваний ее, ужасы для всего рабоче-крестьянского люда.

Бросьте, товарищи, всякие партийные разногласия. Они вас погубят. Скажем во всеуслышание и властно как стоящим у власти и натравливающим вас друг на друга, так и стремящимся к власти и призывающим вас к распрям, к борьбе за нее: “не убивайте в нас инициативы и самостоятельности, а если вы этого не понимаете, уйдите прочь с нашей общей рабоче-крестьянской дороги!”

Проявление, товарищи, в этом своего могущества — успех борьбы за нами.

Знайте, что победив контрреволюцию в лице юнкерского белого Дона, мы этим побеждаем контрреволюцию внутри Украины и России и, следовательно, вырываем зубы и когти у главных врагов рабочего люда, стремящихся к ненасытной мести над трудящимися к полному их закрепощению.

Знайте, что в открытой и смелой борьбе за наше правое дело, мы победим.

Пусть же восстанут грозные батальоны рабочих и крестьян! Выше подыдем наше непримиримое боевое знамя бунта, возмущения революции!

Пусть из всех многомиллионных грудей рабоче-крестьянского люда раздаётся громовой клич:

Смерть врагам Революции! Смерть врагам народа!

Пусть живет царство свободного люда на свободной трудовой земле!

Батько Махно. 4-го июня 1919 г. Гуляй-Поле»[558].

— Вот когда батько принялся мирить всех, вот подкрутил Шкуро! — шутил Долженко, — Да, стой, никак это нас зовут, скорее к аппарату.

Мы подошли к аппарату, где толпились штабники, среди них был и политком одного из полков, ранее возмущавшийся статьей Троцкого. Передавали приказ:

«Объявляется приказ (для исполнения) Революционного Военного Совета Республики № 1824 от 4 июня 1919 г. г. Харьков.

Всем военным комиссарам и исполкомам Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского, Екатеринославского, Павлоградского и Херсонского уездов.

На 15-ое июня исполком Гуляй-Поля совместно со штабом бригады Махно пытается созвать Советский и повстанческий съезд от уездов Александровского, Мариупольского, Бердянского и Павлоградского. Означенный съезд направлен целиком против Советской власти на Украине и против организации Южфронта, в состав которого входит бригада Махно.

Результатом съезда может явиться новый мятеж в стиле Григорьевского и открытия фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно неизменно отступает в силу неспособности и предательства своих командиров:

1. Съезд запрещается.
2. Все население должно быть предупреждено устно и письменно о том, что участие в съезде будет рассматриваться, как государственная измена по отношению к Советской Республике и Советскому фронту.
3. Всех делегатов съезда арестовывать и передавать в военно-революционный трибунал 14-ой армии.

4. Арестовать членов Гуляйпольского исполкома и распространителей воззваний Махно.
5. Приказ вводится в действие по телефону и должен быть широко распространен на местах, вручен представителям Советской власти, а также председателям реввоенсовета, командирам и комиссарам частей.

Подписали: Председатель РВСР — Троцкий

Главком — Вацетис

Члены реввоенсовета республики — Орлов и др.»[559].

У аппарата поднялась ругань. Штабники набросились на политкома и всячески угрожали. Но не зная, что делать, он разводил руками и ругал Троцкого, обещая выйти из партии.

Итак махновщина вне закона.

Бои по-прежнему были жестокие и наши части отступали.

Оперсводка штаба 2-й Украинской Советской армии к 20 часам 5-го июня 1919 г. сообщала:

«Таганрогское направление после упорных боев наши части отошли на линию ст. Петровская, ст. Новоспасовская, Николаевка, Благовещенка, Кайзер-Дорф, Трудолюбовка, Любскут, Федоровка, Межерич, Туркеновка, Успенровка.

Гришинское направление — без существенных перемен»[560].

Мы верили сводкам, но эта сводка лгала.

5-го июня мы готовились к наступлению на ст. Волноваха, которая неоднократно переходила из рук в руки. Подтянули последние крохи резервов и собирались сделать рейд в глубокий тыл белых с целью добыть хоть что-нибудь из боеприпасов. Но в этот же день, вопреки сводке, в нашем тылу появились полки Шкуро, прорвавшиеся от Гришине через ее.[561] Богатырь, Андреевку.

Ситуация сложилась катастрофическая, поскольку пресловутое троцкистское «Распоряжение № 96/с» вело повстанцев к гибели.

Боеприпасов не было совсем, винтовками «Гра» и берданками отбивались, как палками.

Сердце кровью обливалось при виде, как гибли под огнем противника лучшие силы революции, эти добровольные помощники строительства новой жизни.

И сколько же было проклятий за эту западню, за это предательство в адрес Троцкого. Счастье наше, что этот бой прикрыла ночь.

Оперсводка разведотдела 14-й армии на 14 час 6 июня 1919 года сообщала:

«На Гришинском направлении по данным войсковой разведки со стороны противника действует Первая Кавказская дивизия силой до 3 тыс. сабель при четырех легких орудиях и большом количестве пулеметов, преимущественно ручных люисов. В селе Гришине расположен отряд кавалерии силой до 1 000 сабель при артиллерии и пулеметах, от которого высылаются разъезды в направлении на Сергеевку–Славянск–Новопавловка–ст. Удачная.

О группировке сил противника на участке Старый Керменчик–ст. Розовка–Стародубовская–Урзуф сведений не поступало. На этом участке противник теснит наши части, вынуждая их к отходу по всему фронту.

Вывод: на Гришинском направлении противник пассивен, на участке Старый Керменчик–Урзуф развивает достигнутый им успех на всем фронте»[562].

Белая газета 6 июня писала:

«23 мая в районе к северо-западу от Мариуполя у селения Керменчик, Каракуба, ст. Зачатьевская и Розовка кубанские партизаны генерала Шкуро, зайдя во фланг и тыл большевикам (деникинцев и махновцев называли большевиками. — А. Б.), наступавшими на ст. Волноваха, удалой конной атакой бросились на противника, врубившись в гущу его рядов... Большинство полков принадлежало к дивизии батько Махно»[563].

Держать фронт не предоставлялось возможным. На протяжении сотни верст мирное население, боясь остаться в плену у белых, отступало с войсками. Обозы необозримой лентой тянулись на запад: стада коров и быков перемешивались с арбами, груженными крестьянскими пожитками. Женщины, покидая свои очаги, брали с собой в дорогу горсть родной земли.

Но, куда летела эта никому не нужная масса гражданского населения?! От чего бежала и где искала спасения?!. Она боялась белогвардейщины. В надежде, что подойдет подкрепление с севера, она отступала до встречи с ним.

Но его не было, север жил своими заботами.

8-я и 13-я Красные Армии, наголову разбитые, бежали от незначительных кавалерийских частей Деникина.

А троцкисты не унимались, обсасывая статьи Троцкого с разных сторон, «совершенствуя» их, стремясь подражать своему атаману, выполняя пункт 2 постановления Совета Обороны Украины от 25 мая (принять политические меры к ликвидации махновщины...) исходя из того, что чем чудовищней обвинение, тем надежней; исходя из того, что нельзя посеять вражду, не создав образ «врага».

Культивировалась ненависть к «мелкобуржуазной стихии», к повстанчеству и т. д., облегчая расправы с инакомыслящими.

Вновь покати́лась волна охаивания, и газета «Известия» в № 130 от 5 июня писала в статье «Еще раз долой махновщину»:

«Вчерашней статьей тов. Троцкого вопрос о ликвидации махновщины поставлен в первую очередь: С махновщиной, с этим анархо-кулацким развратом пора кончать твердо, раз и навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было...

Махно оказал свое дурное влияние на положение в Донецком бассейне и в другом отношении. Им были захвачены самые хлебородные на Левобережной Украине уезды Екатеринославской и Таврической губернии, и ни одного фунта хлеба ни Красная Армия, ни донецкие шахтеры не получили. Махно и вдохновлявшие его мариупольские и гуляйпольские кулаки рассматривали эти уезды, как свое владение и «отпускали товар» только в обмен на другой товар. И это в то время, как донецкие шахтеры голые, босые и голодные защищали свои лачуги и свои шахты от белогвардейских шкуро-деникинских вешателей.

А ведь из Мариупольского, Бердянского, Мелитопольского и пр. уездов легче и скорее всего можно было достать хлеб, нужно было только хорошенько проверить амбары кулаков, которых в этих местах больше, чем где-либо. Махно не пытался этого сделать, а наоборот, даже никого не подпускал к этим кулакам: значит, он вольно или невольно содействовал Деникину в его борьбе с Красной Армией и донецкими рабочими...

Нужно в корне пресечь это предательское дело, затеянное в Гуляй-Поле.

Если в апреле под лозунгом “Долой махновщину” мы понимали идейную борьбу с анархическими элементами махновщины, то теперь, когда она превратилась в недисциплинированные вооруженные банды кулаков и мелких спекулянтов, мы, повторяя этот лозунг, говорим: “Еще раз долой махновщину, даже если бы для этого пришлось употребить каленое железо...”»[564].

И тогда же: «Киев Наркомвоен Подвойскому, Предсовнарком Раковскому, ЦК партии.

Положение в Донбассе стало катастрофическим: Тринадцатой армии больше не существует, часть Восьмой армии перешла, часть разбежалась. Восьмая армия медленно отходит. Девятая армия бежит, обнажая бассейн, с востока. Ворошилов и я выезжаем в Синельниково... Ответственность за спасение всего бассейна возложена Ильичем на нас, ответственность за снабжение фронтовых войск — на вас. Ждем вашей действительной помощи в создании второй армии, которой уже нет, так как Махно выделился в самостоятельную армию, а больше ни одного солдата в ней нет. Только наша напряженнейшая совместная работа может прошлого года.

НР 64. Командарм 2 Ворошилов.

Член Реввоенсовета 2 Межлаук»[565].

Действия Троцкого, особенно его предательское распоряжение № 96/с от 3 июня и, особенно, 3-й пункт этого распоряжения, где под страхом строжайшей ответственности

запрещалось снабжать нас боевыми припасами и любым военным имуществом — разрушали Красный фронт (мы ведь были дивизией Красной Армии и сражались в одной линии фронта с ней и подчинялись одному командованию), разоружали нас в пользу Деникина.

6-го июня от Наркомвоен командарм 2 Ворошилову (кстати еще не сняв командарм 2 Скачко, Ворошилова уже величают командармом. — А. Б.) пришла телеграмма с напоминанием: «...Махно подлежит аресту и суду Ревтрибунала, посему Реввоенсовету Второй армии предписывается принять немедленно все меры для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары.»[566].

Шестого июня на станцию Цареконстантиновка (Куйбышево) ко мне (В. Белаш. — А. Б.) приехали Махно и Озеров. После всестороннего обсуждения, в связи с объявлением нас вне закона, собрание комсостава и штабов (полевого, 2-й и 3-й бригад) постановило: «Расформировать 3-ю бригаду, а полевой штаб передать Белашу».

Левые эсеры гордо доказывали, что настал момент, когда махновщина должна восстать против большевиков и во имя самосохранения обязана вывернуться из тылового удара Красной Армии, стать ей в затылок по Днепру, а также заключить союз с григорьевцами.

Но мы категорически возражали против такой постановки вопроса. Объявляя красным войну, мы помогали бы белогвардейские душить революцию в защиту которой отдали столько сил. И эсеры нам заявили: «Нам с вами не по дороге, прощайте!»

Они оставили заседание и стали пробираться на север, а мы были предоставлены сами себе.

Приняв полевой штаб дивизии, я видел перед махновским повстанчеством один выход: отстранение Махно от командования и примирение с красными, с которыми боевые наши командиры никогда не были в ссоре.

Подобные мысли высказали еще несколько человек, подчеркивая, что уход Махно и подчинение наших войск красному командованию должно ослабить террор со стороны красных, иначе Троцкий пустит Деникина на Украину, а обвинит в открытии фронта махновцев.

Взвешивали «за» и «против». Махно здесь же написал и отправил следующую телеграмму:

»№ 9688 от 6 июня 1919 г. Штадив-Повстанческой, Штарм 2, передать по обоим адресам. Штарм 2 Скачко, копия Предреввоенсовет Троцкому.

Пока я чувствую себя революционером, считаю своим долгом, не считаясь ни с какой несправедливостью, обличающей меня в нечестности, к нашему общему делу Революции, предложить немедленно же прислать ко мне хорошего военного руководителя, который бы, ознакомившись при мне на месте с делами, мог принять от меня командование дивизией. Считаю, что должен сделать это революционер, ответственный за всякий нечестный шаг по отношению к Революции и народу, когда его обличают в созывах съездов и подготовке какого-то выступления против Советской Республики.

Начальник дивизии Махно»[567].

8 июня 1919 г., уже со ст. Лозовой, Троцкий выпускает в свет очередной гневный приказ:

«...Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне? Махновцы и махновщина, — сам себя спрашивал и сам себе отвечал Троцкий. — На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходит до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и откатывались назад на многие десятки верст.

Среди солдат махновской бригады было немало хороших честных бойцов. Но без правильной организации снабжения и управления и, главное, без внутренней дисциплины и разумного командования махновские части оказывались небоеспособными, и конные белогвардейцы гнали их перед собой, как стадо баранов.

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжкий удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно. рассылались агитаторы по соседним полкам с призывами не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, то есть в ряды бесшабашной, разнузданной, небоеспособной махновской партизанщины. Гуляйпольские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15 июня съезд воинских частей и крестьян 5 уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, который установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможно. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое григорьевское восстание из гуляйпольского гнезда.

Ввиду этого Центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные, честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины.

Ныне преступной затее положен конец. Махно смещен с командования, махновщина ликвидируется»[568].

Каждая мысль последних приказов Троцкого — злонамеренная ложь, приправленная неприкрытым стремлением к решению политических проблем военными средствами.

Тогда же, 8 июня в 10 часов дня, я был вызван Махно на ст. Гуляйполе. Там было экстренное заседание штаба дивизии, Военно-Революционного Совета и союза анархистов. Решался вопрос — что делать? Многие предлагали снять части и уйти за Днепр на соединение с Григорьевым, но были и такие, которые говорили: «Пусть Чека расстреливает, но мы с фронта никуда не уйдем».

Я рекомендовал сдать свои части красному командованию и уйти в подполье к белым, но единодушия не было.

Вдруг, новое известие, свежая телеграмма:

«Приказ

Председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора от 6 июня 1919 г. №107. ст. Балаклея.

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляйполя осмелилась назначить на 15-е июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией и Советской властью.

Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

Махновцы призывают к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному Трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Им кара может быть только одна — расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом России и Украины мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу.

Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой. Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, Григорьевцы, будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями.

Да здравствует революционный порядок, дисциплина и борьба с врагами народа!

Да здравствует Советская Украина и Советская Россия!

Л. Троцкий»[569].

Собравшиеся винили меня в моих предложениях, указывая на приказ Троцкого. Я настаивал, что сейчас момент весьма ответственный и всякая минута промедления с нашей стороны грозит пролитием невинной крови. В нашем тылу заняли фронт красные полки, вернувшиеся с григорьевского участка. Они ожидают нашего подхода, чтобы разоружить, а командиров расстрелять. Мы находимся между двух огней: белые с фронта, красные с тыла. Нужно сдать свои части красным, а самим уйти в деникинское подполье.

Но большинство настаивало свернуть полки и уйти за Днепр на соединение с Григорьевым.

В это время шкуровская бригада атаковала Гуляйполе, и мы расстались. Я уехал на Пологи, Махно — на Гайчур.

Со станции Гайчур 8-го июня в 15 час. 40 мин., уже в который раз, он отправил телеграмму красному командованию, а мне копию. В ней он писал:

«Штаб 14-й армии — Ворошилову. Харьков Предреввоенсовета — Троцкому. Москва — Ленину, Каменеву.

В связи с приказом Реввоенсовета Республики за № 1824 мною была послана в штаб 2-й армии тов. Скачко и Предреввоенсовета Троцкому телеграмма, в которой я заявлял о сложении с себя полномочий начдива, просил прислать специальное лицо для приема от меня дел. Сейчас я вторично заявляю об этом и считаю обязанным себя дать нижеследующее объяснение своему заявлению.

Несмотря на то, что я неизменно вел ожесточенную борьбу с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе и самостоятельности, несмотря на глубокотоварищеские встречи и прощания со мной ответственных представителей Советской республики, сначала тов. Антонова, а затем тов. Каменева и Ворошилова, — в последнее время официальная Советская газета, а также партийная пресса коммунистов-большевиков распространяет обо мне ложные сведения, недостойные революционера, тяжелые для меня. Меня выставляют и бандитом, и сообщником Григорьева, и заговорщиком против Советской республики в смысле восстановления капиталистических порядков. Так, в № 51 газеты “В пути” Троцкий в статье под названием “Махновщина” задает вопрос: “Против кого же восстают махновские повстанцы?” и на протяжении всей своей статьи доказывает, что махновщина есть в сущности новый фронт против Советского строя, и ни одного слова не говорит о тяжелом белогвардейском фронте, на котором с первых дней восстания крестьян против гетмана-помещика, повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы.

В упомянутом приказе Реввоенсовета республики я объявляюсь заговорщиком против Советской республики, организатором мятежа на манер григорьевского.

Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян созывать самим съезды для обсуждения вопросов как общего, так и частного характера. Поэтому объявление свыше таких съездов незаконными я считаю нарушением революционных прав народа.

Тем не менее должен заявить, что является фактической неправдой утверждение, что я или мой штаб являются организаторами съезда. Я отдаю себе полный отчет в отношении ко мне Центральной государственной власти. Она считает все повстанчество в целом несовместимым с государственным строительством в том смысле, в каком это строительство проводится современной государственной властью.

Одновременно с этим Центральная власть считает повстанчество связанным со мной, и существующее недружелюбие и вражду Центральной власти к повстанчеству переносит, главным образом, на меня. Примером этому могут служить многочисленные статьи

Советской и партийной прессы, а также упомянутая статья Предреввоенсовета Республики Троцкого, в которой наряду с фактической неправдой вложено слишком много враждебного ко мне. Отмеченное мною враждебное, а в последнее время наступательное поведение Центральной власти по отношению повстанчества, по моему глубокому убеждению, с роковой неизбежностью ведет к кровавым событиям внутри трудового народа, созданию среди трудящихся особого, внутреннего фронта, обе враждующие стороны которого будут состоять только из трудящихся и революционеров. Я считаю это величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом и его сознательной революцией и считаю себя обязанным сделать все возможное для предотвращения этого зла.

Как революционер-анархист, я в течение 13 лет боролся за идеалы социалистов, за эти идеалы борюсь и теперь. Наиболее точным и верным способом для предотвращения надвигающегося преступления я считаю уход мой с занимаемого мной поста. Думаю, что с моим уходом Центральная государственная власть перестанет одозревать революционное повстанчество в заговорах против Советской республи-и отнесется к нему со всей серьезностью, как к живому детищу социальной массовой революции на Украине, а не как к подозрительному стану, с которым торговались из-за каждого патрона, который часто просто саботировался, военным снаряжением и обмундированием. Благодаря этому, важный во всех отношениях повстанческий фронт нес ненужные, и при ином отношении к нему Центральной власти легко устранимые поражения на фронте. Настоятельно прошу снова освободить меня от занимаемого мной поста Начдива Повстанческой Советской дивизии прислать специалиста для принятия от меня всех отчетов.

Начальник дивизии Махно»[570].

— Все-таки Аршинов молодец! — заговорил Долженко. — Он склонил «Гуляйпольский союз»и Махно на нашу сторону и, конечно, меньше будет крови. Немыслимо же без патронов драться на два фронта и глупо было бы ему оставаться начдивом.

Было выпущено обращение Махно к войскам, где он призывал повстанцев держать внешний фронт с прежней энергией и не смущаться, что они будут находиться под руководством большевистских штабов.

8-го вечером снова совещание. Еще не остывшие от боя командиры дружно заявляли: «Это не бои, а расправа! Без боеприпасов воевать дальше — преступление! Слишком большие жертвы! Дивизию нужно выводить из боя, или идти к красным. Какая разница, враг у нас остается тот же — Деникин».

Большинство уже было за передачу дивизии красному командованию. Все сошлись на том, что свой район надо защищать, а там видно будет.

Передачу войск поручалось произвести мне. Я сообщил, что на станцию Орехово прибыла комиссия 14-й армии и комбриг 3-й бригады 7-й Украинской стрелковой дивизии тов. Круссер, ждут передачи им нашего боевого фронта. В зале многие заулыбались, а Михалев-Павленко сказал: «Это батьков крестник. Нам еще этого не хватало».

Оказывается, неделю назад Махно и штабные работники были вызваны в штаб 2-й Украинской армии, находящийся на станции Синельниково.

Отчитавшись, ознакомившись с приказами, кое-что выписав для фронта и справившись с остальными делами, они в ожидании окончания погрузки выписанного, прогуливались по перрону вокзала. Махно рассказывал и радовался, что находящиеся на путях эшелоны войск под командованием Круссера, приданные командованием нам в помощь и срочно идут на выручку в район Гуляйполе–Волноваха. Но готовые к отправке эшелоны стояли. Вскоре, появившемуся на перроне Круссеру, Махно сделал замечание, что на фронте очень тяжело, помощь необходима немедленно и предложил ему выполнить приказ командарма[571] — отправиться со своим эшелоном на фронт через пять минут.

Круссер ответил Махно, что не ему приказывать, и не спеша пошел дальше, а штабники, не теряя время зря, зашли в буфет перекусить. Выйдя из буфета, опять увидели Круссера ленивой походочкой, безмятежно прогуливающимся по перрону. На вопрос Махно: «Вы все еще не отправились? Торчите здесь?» Круссер флегматично, но вызывающе отвечал, что он не торчит, а все еще готовится к отправке и опять повторил, что не Махно им командовать. Такого Махно уже не мог стерпеть, он выхватил «кольт» и выстрелил Круссеру под ноги. Это придало Круссеру резвости, и он скрылся за углом вокзала. И вот теперь этому Круссеру нужно было сдавать дивизию.

Я со штабом выехал в г. Орехов, а Махно продолжал воевать. Пополнение 9-го греческого полка, формирование батальонов: Федоровского под командованием Подковы[572], Пологовского, Ореховского и других, близилось к концу, и Махно этой работе уделял много внимания.

К этому времени анархисты, находящиеся в махновщине, начали ее покидать, уходя в центральные города Украины и России.

Исполняющий обязанности командира бронепоезда им. Руднева, участвовавшего в боях в то время по линии Пологи–Чаплино, Семенов А. Л. писал в своих воспоминаниях:

«...Командовал бронепоездом Илья Ротштейн...

Линию фронта — Чаплино, Гуляй-Поле, Синельниково, Лозовая, Пологи до прибытия нашего бронепоезда держали войска, которыми командовал Махно, сражавшийся, как будто, на стороне Советской власти.

В это время деникинские войска под командованием генерала Шкуро усиленно теснили махновские войска в районах Мариуполь, Бердянск, Верхний Токмак, Цареконстантиновка, Волноваха, Пологи.

В Чаплино прибыл наш бронепоезд в мае или июне 1919 г. утром часов в 10. Со стороны Гуляй-Поля были слышны частые орудийные выстрелы, стрельба, ну, в общем, было видно, что там идет бой с деникинскими войсками.

А спустя часа два мы со своим бронепоездом включились в этот бой, который длился почти до ночи.

Деникинский бронепоезд “Иван Калита” особенно рвался в направлении станции Пологи, пытаюсь этим помочь своей кавалерии, которая в то время с южной стороны теснила наши войска, которыми командовал тогда Махно.

На следующий день утром, поскольку командир отсутствовал, а я исполнял обязанности, то нам довелось знакомиться с Махно, то есть по существу наша команда с бронепоездом передавалась под его начало.

Махно рассказал, какие сложились обстоятельства на фронте, что деникинцы обладают количественным превосходством и вооружением и что недавно были горячие бои, и что в этих боях иссякли почти все ресурсы и в связи с этим Махно просил снабдить его хотя бы патронами.

Просил Махно немного, хотя бы ящик патронов. Но, сославшись на то, что и на бронепоезде не так уж много патронов, я пообещал дать одну цинковую коробку патронов.

Махно не взял коробки патронов, но и не возобновлял больше разговора об этом.

В дальнейшей беседе мы пришли к тому, что утром следующего дня общими силами ударили по неприятелю... станция Гуляй-Поле была занята в этот день деникинцами.

...Прибывшие в то же утро на бронепоезде тов. Ворошилов и Межлаук выражали огорчение, а тов. Ворошилов сказал: «Напрасно командование в верхах панькается с Махно, надо было давно с ним покончить, еще когда Махно сидел в тюрьме, а теперь он со своей бандой будет вредить Советской власти».

Главным образом сожаление т. Ворошилова сводилось к тому, что Махно удалось увести с собой хороших людей, случайно и по неопытности подпавших под влияние Махно...»[573].

Тем временем наш полевой штаб Повстанческой дивизии работал с приемной комиссией 14-й армии.

9 июня Круссер доносил командарм 14 Ворошилову:

«Бригада (бывшая 3-я бригада Заднепровской дивизии. — А. Б.) развернулась в дивизию из трех бригад. Успели завести аппарат. Приходится пока с этим считаться. Общая численность дивизии семь тысяч. (Это вооруженных и принятых на 9/6 1919 г. — А. Б.) Во второй бригаде шесть орудий, три бронепоезда, 400 штыков, пятьсот сабель. Среди населения к махновцам замечается ненависть. Митинг в Большом Токмаке постановил: не идти в армию, если мобилизовать будет Махно. Среди солдат партизанщина совершенно потеряла свой авантаж. В командном составе чувствуется растерянность. Ведет себя тихо. Мой штаб приняли чуть ли не радостно. Ждут подкрепления, которого достаточно очень немного, чтобы поднять настроение... Теперь легко можно развить агитацию. Необходимо литературное наводнение и агитаторов... Пришлите мне редакторов. Есть типография, есть

радио, будем выпускать бюллетени, листовки»[574].

В тот же день 9 июня 1919 г. Круссер издал приказ, в котором говорилось: «§ 1. Согласно предписанию командарма 14 армии сего числа я вступил в командование участком от Азовского моря до Ново-Успеновки.

§ 2. Все слухи о том, что все махновцы будут преследоваться новым командованием, ни на чем не обоснованы; их распускают те, кто чувствует за собой вину. Все истинные революционеры будут оставлены на своих местах совершенно независимо от того, к какой партии они принадлежат, только бы они шли с нами в ногу за одно дело, освобождение труда от капитала»[575].

Далее в приказе говорилось о разделении линии фронта на три участка, о назначении начальников участков, которым предлагалось немедленно связаться со штабом, расположенным на станции Орехово, и представить возможно более точные сведения о положении на участках.

Сдача участка фронта, войск, техники, вооружения, снабжения, документации, финансов прошли неожиданно просто и быстро, к вечеру 9 июня приемо-передаточный акт был всеми подписан.

Нашей штабной комиссии было приказано оставаться до особых распоряжений при штабе 3-й бригады Круссера.

А ночью с 9 на 10 июня 1919 г. комбриг Круссер погиб.

Газета «Большевик» так описала подробности его гибели:

«Прибывший из Киевского фронта тов. Козлов передает следующие подробности гибели тов. Круссера.

Тов. Круссер принял личное участие в наступлении, которое в час ночи повел советский бронепоезд от станции П. (район станции Пологи. — А. Б.). Пройдя с боем некоторое расстояние, бронепоезд должен был у моста остановиться, так как рельсы оказались развинченными. Тов. Круссер с несколькими красноармейцами вышел из поезда.

Эта разведка с командиром тов. Круссером впереди попала неожиданно под перекрестный огонь. Пулеметы оказались во ржи. Красноармейцы без потерь отступили к бронепоезду, а командир тов. Круссер попал под первую пулю и умер. Пуля попала ему в плечо и прошла через грудь.

Подошедший со станции П. другой бронепоезд подобрал тело погибшего командира. Врагами он был раздет и ограблен.

Тело тов. Круссера было перевезено в Харьков и там с воинскими почестями похоронено на Скобелевской площади, рядом с могилой тов. Руднева»[576].

Мы снова оказались предоставлены сами себе. Ни свежих войск, ни пополнения, ни вооружения и боеприпасов мы не получали.

На линии Пологи-Чаплино появился бронепоезд «Н. Руднев», но он мало чем мог помочь войскам, у которых отсутствовали боеприпасы. Вскоре путь к отступлению бронепоезда шкуровцами был взорван и, оказавшись в безвыходном положении, команда взорвала и сам бронепоезд, выйдя из окружения пешком.

К вечеру 9 июня наш фронт откатился на линию: Новоспасовка, Цареконстантиновка, Гуляйполе, Гайчур, Чаплино, где махновцы поклялись умереть, но не отступить.

В этот же день Волин писал в статье «Последнее предостережение»: «...Новая власть, как и следовало ожидать, оказалась бессильной “творить” социальную революцию.

Фальшивая революция искусственно воспитала контрреволюцию.

Единственная же сила, способная на это великое творчество и могущая легко отстоять его от всяких покушений, — сила свободно организующихся и свободно действующих рабочих и крестьянских масс, — не только не получила на деле, после октябрьского переворота права на свободную деятельность, но, наоборот, очутилась в непредвиденных ею самых ужасных тисках самодовлеющей государственной власти, — постепенно иссякла. Свободная, творческая массовая организация, — единственно способная обеспечить экономический фундамент социальной революции и социалистического строя, — была неизбежно вытеснена и заменена самонадеянной и всеобъемлющей политической организацией государственной власти.

Результаты этого ужасного и неизбежного при партийно-политической революции убиения массовой самодеятельности — ныне налицо...

Есть ли еще выход из положения? Есть ли надежда на спасение?

Надо сделать все, чтобы поднять дух, энергию и веру масс. Этого нельзя теперь сделать ни прокламациями, ни воззваниями, ни призывами и словами. Правящая партия достаточно поработала над тем, чтобы масса изверилась во всех этих прекрасных вещах. И масса изверилась вконец.

Единственное средство теперь — ясно и твердо указать массам на новый выход из тупика революции.

Такой выход есть. Мы, анархисты, давно твердим о нем. Но одного нашего голоса недостаточно. Есть же в рядах правящей партии истинные революционеры и честные социалисты. Пусть они наконец, в этот грозный для революции час, признают свое заблуждение, свою роковую ошибку и предоставят массам на деле этот единственный для них выход, предоставят скорее, без колебаний и промедления, без ложного самолюбия власть имущих: предоставят право открыто, просто и искренне, без задней мысли о том, чтобы впоследствии вернуться вспять...

Надо, кроме того, немедленно и активно поддерживать всеми имеющимися средствами те живые силы революции, которые давно и свободно творят свое дело без непосредственной опеки власти, уже знают, что такое вольное творчество, вольная организация, уже имеют собственную “свою” революцию и поэтому хотят защитить ее.

Я имею в виду, например, так называемый “махновский” район и махновские повстанческие отряды, физиономия которых, за последнее время совершенно и окончательно выяснилась.

Я имею в виду крымских крестьян и рабочих, идущих по пути безвластного социалистического строительства...»[577].

10 июня В. И. Ленин читал телеграмму Н. И. Махно от 8 июня 1919 г. с просьбой освободить его от полномочий начдива советской дивизии и, очевидно, с целью сохранения ее для истории, сделал на ней пометку: «в архив»[578].

После того как мы оказались изрядно потрепанными самыми верными в этом деле Троцкому войсками генерала Шкуро, командарм 14-й (бывшая 2-я Украинская) Ворошилов и член Реввоенсовета Межлаук 12 июня телеграфировали Троцкому:

«Махновия разбита Шкуро вдребезги. Отдельные махнята вопят о защите и покорности соввласти. Момент ликвидации этого гнойника самый удобный. Наша беда — отсутствие регулярных частей, которыми нужно занять Махновский фронт и ликвидировать остатки банд.

Полное отсутствие снаряжения, вооружения и даже продовольствия в 14 армии лишает возможности сколачивать на месте из рабочих надежные батальоны. Состояние фронта требует экстренных мер. Нужно хоть одну регулярную дивизию для быстрого очищения всего Донбасса. В противном случае необходимо гнать в армию возможно больше снаряжения, вооружения и пачками комсостав и политработников. Нажимайте на все педали. Здесь нужны быстрота и натиск.

№ 42... Командарм 14 Ворошилов, член Реввоенсовета Межлаук»[579]

В оперативной сводке штаба Южфронта от 12 июня 1919 г. сообщалось: «..8-я армия... Один из наших полков арестовал часть командного состава и, оставив позицию, ушел на Старобельск...»[580].

Подобных фактов можно привести много.

Это разложение армий Южного фронта, естественно, началось не в июне, поэтому любимые Троцким заградительные отряды и ударные батальоны не обеспечивали армиям победоносности, да и судя по документам, сами заградотряды нуждались в заграднениях.

Преступно было не понимать, что выполнение 3-го пункта «распоряжения» лишало Повстанческую дивизию боеприпасов, неотвратимо обрекало на поражение и, следовательно, создавало угрозу разгрома всего Южного фронта или по крайней мере сильно ослабляло его.

Не менее вредное влияние имели и меньшевистские взгляды Троцкого на крестьянство, как на силу, враждебную пролетарской революции, с которой пролетариат неминуемо должен прийти к столкновению.

Чтобы чего-то добиться, нужно исходить из возможностей. И Троцкий знал возможности и ситуацию. Ведь абсолютно понятно, что своими действиями Троцкий не укреплял противоденикинскую оборону, а разрушал ее. Зачем? С какой целью? Махновский прифронтный район, в конце концов, не представлял для коммунистической власти опасности, и ликвидация его не объясняется крайней необходимостью.

Противник наступал по всему Южфронту, не жалея боеприпасов и к 12 июня занял: Барвенково, Андреевку и Волохов Яр (южнее Чугуева)[581], Староверовку, Купянск, Новоборовскую, Садки, Калмыковскую — западнее Старобельска, Беловодск[582];

К этому времени войска Южфронта держали следующую линию фронта: 13-я армия — Артемовское-Шеповитое-Двуречная-Кисловка[583] 8-я армия — Покровская-Тиминова-Шилов-Белолуцкая-Ганусов-Высочинов-Маляровка-Марковка-Журавка-р. Богучар до Твердохлебова[584].

Таким образом, от линии фронта, достигнутой нами в средних числах мая к 12 июня, мы откатились в сторону Александровска и Мелитополя на 110[585] верст, а 13-я, 8-я и 10-я Красные Армии к Павлограду и станции Лозовой на 140 верст, к Харькову и Белгороду на 220, к Валуйкам на 200, Поворино на 150 и Царицыну и Астрахани на 370 верст.

Троцкистское руководство на Украине и в Красной Армии было уверено, что «троцкистские кружева», в арсенал которых входили: ложь, клевета, обман, лицемерие, коварство и т. п. обеспечат победу над повстанчеством. И не обязательно вести диалог с миллионами, посылая в массы партийных работников для политического просвещения. Троцкий знал, что политическое образование масс для него еще далеко не победа, а даже наоборот. А вот милое его сердцу «каленное железо», кровопускание свободному движению, обеспечит покой в нескольких поколениях, обеспечит политическую пассивность масс при любых системах правления.

Человеку свойственно противиться всему к чему его принуждают, и, конечно, повстанцы бранились в ответ на грязные, незаслуженные обвинения и оскорбления и иногда обидными для национального самолюбия словами, но никогда не вкладывали в эту брань человеконенавистнического, погромного смысла.

Мы знали прописные истины, что злые притчи сочиняют и носят по свету нищие духом.

С какой целью троцкисты систематически дезинформировали В. И. Ленина и центральные органы о состоянии дел в махновщине?

А может быть дело вообще не в махновщине?

Уже в те времена троцкисты высказывались о повстанческих районах, что, мол, войска слишком быстро прошли территорию этих районов, подразумевая, что прошедшие войска на

своем пути оставили в живых многих недоброжелателей новой власти.

Очевидно Троцкий так и думал о весьма беспокойной для него Украине и мечтал проутюжить ее войсками фронта еще пару раз, дабы были сговорчивей, послушней. Поэтому направление деятельности Троцкого носило провокационный характер и требовало жестокости. И многие в махновщине это чувствовали и знали, что милости у победителя не будет.

Это характерное состояние передаст в своем заявлении в адрес Ворошилова бывший начальник штаба Повстанческой дивизии Я. В. Озеров: «Я непрерывно нахожусь в Повстанческих войсках. Здоровье мое совершенно расшаталось. Передайте тов. Ворошилову, чтобы он выслал мне заместителя, а меня, как инвалида, получившего 53 раны, уволили бы в отставку для излечения, ибо при создавшемся положении, когда выбиваешься из сил для того, чтобы сделать полезное дело, рискуешь ежеминутно быть объявленным вне закона, что слишком скверно отзывается на здоровье и без того расстроенного. Поэтому прошу принять рапорт...»[586].

Но вместо отставки быть ему расстрелянным трибуналом.

Категорически против действий Троцкого выступали Антонов-Овсеенко и Скачко. В результате Антонов-Овсеенко был отстранен за «ненужность», а Скачко за «непригодностью».

Бывший командарм 2 Скачко писал в своих воспоминаниях: «Приказ Троцкого об объявлении Махно вне закона настолько играл на руку белым, что они отпечатали его во множестве экземпляров и разбрасывали среди войск Махно»[587].

13 июня газета «Известия» опубликовала выдержки из доклада Троцкого о положении на фронте. В подзаголовке «Махновщина» он продолжал резонировать:

«Армия, которая здесь оперирует, имеет партизанское происхождение...

Отряды Махно показали вполне, что они не способны были к защите важнейших участков фронта. Под влиянием первого толчка они обнажили правый фланг той армии, которая непосредственно стоит между Харьковом и деникинскими войсками. (Документы подтверждают, что именно Троцкий лишил повстанцев возможности сопротивляться, лишив их боеприпасов своим «распоряжением № 96/с». — А. Б.)...

Добавим к этому не совсем благополучное состояние дела снабжения армии, т. Троцкий указал, что благоприятная почва для разложения в рядах имелась. Но главное зло, имевшее печальные последствия, это махновщина.

Представьте себе, — говорит тов. Троцкий, — рядом бок о бок две армии. В одной от солдата требуют, чтобы он сражался во имя великих идей, соблюдал порядок, в другой — от солдата не требуют ничего, ему говорят: «Все, что возьмешь, твое». Эта вторая армия — армия Махно. Темным, отсталым элементам, наполняющим ряды этой армии, любы принципы махновщины...

К нам, — говорит тов. Троцкий, — являлись перебежчики, которые заявляли через некоторое время: “Нет, мы идем к Махно”...

Попутно в своей речи тов. Троцкий ответил на обвинения советских военных властей в том, что партизан-махновцев слишком долго терпели, что они засиделись на определенном участке фронта (“Наш Голос”).

К сожалению, те партии, которые нам посылают эти обвинения, не предложили нам взамен махновских партизан ничего...

Возражает также тов. Троцкий на то, что якобы есть разница между Махно и Григорьевым. Те же элементы, те же методы.

Не успели мы разгромить банды Григорьева, как Гуляй-Поле поставило на порядок дня созыв съезда пяти уездов, причем задачей съезда выставлялось — свержение существующей власти рабочих и крестьян (Это утверждение не соответствует действительности. Никогда в махновщине вопрос так не стоял и стоять не мог. — А. Б.). Махно отказался от командования и перешел к организации самостоятельной Повстанческой армии.

Эти эксперименты производились на деникинском фронте, в стране, только что потрясенной григорьевским мятежом, в стране, представляющей вооруженный лагерь, и центральное командование заявило, что съезд, назначенный на 15 июня, допущен не будет.

Когда приказ об этом был подкреплён сосредоточением сил, направляющихся против Деникина, готовых направить свое оружие и против Махно, он прислал телеграмму, что он революционер, что он сдаст свою бригаду или дивизию тому, кого мы пришлем. (Махно с этим предложением отправил три телеграммы: 28 мая, 6 июня, 8 июня 1919 г. — А. Б.).

Далее тов. Троцкий отмечает, что с ликвидацией Махно не ликвидируется еще махновщина, имеющая свои корни глубоко в темных народных массах...»[588].

И тогда же 13 июня Ворошилов писал Раковскому:

«Дорогой Христиан Георгиевич!

Я вам посылал телеграммы, в которых вопил о своем положении, прося Вас придти на помощь, но ни помощи, ни даже ответа на телеграммы не получил. Вкратце сообщаю состояние армии:

1. Армии, как организма, нет. Штабы и разные учреждения при армии это в лучшем случае толпа бездельников, а в худшем — пьяниц и саботажников.
2. В довольствующих органах ни снабжения, ни вооружения, ни обмундирования: части до смешного небольшие, разложившиеся, босые, с распухшими и окровавленными ногами, оборванные. Артиллерии никакой. Кавалерия не многочисленная, сильно напоминает своих предков из Запорожской сечи.

Настроение рабочих Александровска определено махновское. Короче, армии нет, или вернее не было, атмосфера для работы самая тяжелая. Сейчас кое-что удалось уже достигнуть, и мы не только удержали свои части, пересилили панику, но уже тесним противника и если Вы придете на помощь, вскорости выполним нашу задачу — очистим Донбасс.

Очень прошу Вас, Христиан Георгиевич, надавите на все педали, пусть нас снабдят винтовками, хотя бы австрийскими, патронов к которым в складах Киевского округа в достаточном количестве. В Киеве масса пушек. У Вас есть пулеметы. Во всей моей армии найдется пара десятков пулеметов.

Прикажите, пожалуйста, в спешном порядке грузить необходимое нам вооружение и если есть хотя малейшая возможность, пошлите обмундирование и обувь, без которых мы буквально задыхаемся.

Посылаем специально тов. Дуциса, которому окажите всяческое содействие и помощь в получении просимого и доставке в армию. Подробно о положении доложит тов. Дуцис»[589].

Неприятель особенно нажимал на пологовский участок, стремясь продвинуться к Днепру на Александровск, чтобы отрезать железнодорожную магистраль из Крыма, лишив пути отступления «крымских ударников» Дыбенко. Но махновцы, даже при отсутствии патронов и снарядов, снова переходили в атаку, и 13 июня, уже в который раз, заняли Гуляйполе и Конские Раздоры.

К тому времени на линии Мелитополь–Александровск были сосредоточены несколько красных полков, которые высвободились с григорьевского фронта и были поставлены в тылу махновцев затем, чтобы их разоружить. Они напали на тыловые обозы, выхватывая комендантов и командиров, и препровождали их в Чрезвычайный Трибунал[590] Донецкого бассейна, прибывший на ст. Синельниково 12-го июня.

Многие повстанцы, выражая недоверие и с целью мести предателям коммунистам, настаивали перейти на сторону белых. Но их удерживали обещаниями, что все нормализуется и будет так, как пожелает народ, акцентируя внимание на террор белых.

Когда армии Южфронта были сбиты со своих позиций и почти разгромлены, а инициатива наступления полностью перешла к деникинцам, только тогда повстанцы оставили Бердянск, В. Токмак, Пологи, Гуляйполе, Гайчур.

О боях в районе Бердянска сообщалось в газете «Правда» от 13 июня: «...Продолжаются упорные бои северо-западнее Бердянска, причем наши части под давлением превосходящих сил противника оставили станции Пологи, Гуляй-Поле и Гайчур, но затем, перейдя в контратаку, вновь овладели ст. Пологи»[591].

15 июня в этой же газете сообщалось: «...После упорных боев наши части оставили линию железной дороги Бердянск–станция Гуляйполе, в 100 верстах северо-западнее Бердянска, причем во время контратаки разбит полк противника и захвачены 1 орудие, пулемет и обоз»[592].

Войск, кроме повстанческих — махновских, в это время на линии фронта Бердянск-Цареконстантиновка (Куйбышево)-Пологи-Гуляйполе-Гайчур-Покровское, не было.

В докладе главного командования Реввоенсовету Республики о положении на фронтах к 15 июня 1919 года говорилось:

«...На Южном фронте противник, прорвав наш фронт на фронте 10 армии и в стыке 13-й и 2 Украинских армий, развил свое наступление в трех главных направлениях — на Харьков, Воронеж и Царицын...

а) Западный участок (таганрогское и новочеркасское направления). Наши силы: группа Махно, 13, 8, 9 армии, всего в составе 63 полков в числе 46 тысяч штыков, 7 500 сабель, 1 960 пулеметов, 425 орудий против 56 пехотных и 74 кавалерийских полков в количестве 33 500 штыков, 41 800 сабель, 833 пулеметов и 156 орудий у противника. Численное превосходство в общем на стороне противника на 67 полков или 21 700 штыков и сабель... На правом фланге до 20 мая мы имели постоянный успех, овладев Мариуполем и районом на 40 верст к востоку от него. (Имеется в виду успех линии фронта. Азовское море-Еленовка, занимаемый повстанцами-махновцами. — А. Б.)..

В 20 числа мая противник ввел в дело свои глубокие резервы, достигнув почти двойного перевеса сил на всех важнейших направлениях, и в то время, как наши армии таяли в непосильной борьбе с превосходящими силами противника, последний, соединившись с восставшими, получил не только готовые укомплектования, но даже целые воинские части (в Богучарском районе), сорганизовавшиеся в течение борьбы с нашими экспедиционными войсками, Все это дало за последние три недели огромное численное превосходство противника, подняло его моральное состояние и вызвало поголовное восстание казаков даже в мобилизованных округах.

В настоящее время противник, пользуясь своим численным и моральным превосходством, развивает свой успех на следующих главнейших направлениях: харьковско-курском, воронежском и к северу от Царицына, где ему удалось прервать железнодорожное сообщение Поворино-Царицын, а также прервать сообщение к югу от Царицына по р. Волге. Кроме того, обнаружено наступление противника на Крымском полуострове, где им взята Феодосия, и вдоль северного берега Азовского моря. (То есть на махновский район, обезоруженный и “усмиренный”Троцким — А. Б.)...»[593].

Рано утром 15-го июня ко мне на станцию Малая Токмачка приехал Махно со своим бывшим штабом, членами ВРС и гуляйпольской «братвой». Их было до 150 человек при 10 пулеметах, но без патронов. Ночью наши части снова заняли утерянные пункты — г. Ногайск, ст. Верхний Токмак, с. Кирилловку, Пологи, Гуляйполе и Гайчур, на которых укрепились.

По настоянию «союза анархистов»и Махно у меня устроили заседание.

— Нет, мы были правы! — говорил Махно, окидывая нас взглядом. — Повстанчеству мы открыли новую блестящую страницу в истории, не поддались на провокацию.

Вопреки желанию Троцкого — толкнуть нас в объятия Деникина — мы выдержали экзамен блестяще. Окруженные заградотрядами, трибуналами, которые нас расстреливают, не имея патронов и снарядов, мы не отступаем, а наоборот — продвигаемся вперед. Однако так продолжаться больше не должно. На этом заседании нам необходимо решить дальнейшую судьбу повстанчества, ибо немислимо умирать на фронте, когда в тылу твоих братьев расстреливают. Мы вышли из подполья и посмей Трибунал арестовать кого из нас — закатим ему такой скандал, что задрожит и Киев. Довольно сентиментальничать: надо действовать, да так, чтобы красный фронт разыграть в пользу повстанчества. Наша дивизия должна повернуть штыки против своего тыла — Мелитополя, Федоровки и Александровска, где засели красные полки и карательные отряды и, как охотник из засады, расстреливают наших командиров, разоружают отряды, обозы, лазареты. Мы должны им сказать — или идите нам на помощь против белогвардейщины, или дайте дорогу на Херсонщину и сами защищайте наши районы. Надо выйти из перекрестного огня, отдохнуть, пополниться.

Так Махно от лица Военно-Революционного Совета, «Набата», Союза Гуляйпольских анархистов и штаба дивизии агитировал нас против большевиков.

Но все командиры, бывшие ранее в моем подчинении, как начальника полевого штаба дивизии, начбоеучастка и комбрига, не поддавались. Они разделяли мою мысль — с красными не воевать и не оставлять своего района, покуда живы.

Между нами, таким образом, соглашения не было достигнуто, и Махно, со мною разругавшись, а потом расцеловавшись, уехал на Большой Токмак. По дороге туда он митинговал, призывая повстанцев и население поддержать его выступление против большевиков. Но его плохо слушали, и он со своим отрядом вступил в Большой Токмак, где имел некоторый успех, как у населения, так и среди красного батальона.

Здесь он встретился с Марусей Никифоровой, к тому времени организовавшей группу в 60 человек террористов-анархистов, бывших в махновской контрразведке, отрядах Чередняка и Шубы. Она настоятельно просила выдать деньги на дело подполья, но Махно ей отказывал, они чуть не пострелялись, а под конец Махно выдал группе на руки 250 тыс. рублей.

Группа разделилась на три отряда и со станции Федоровка разъехалась в трех направлениях. Один — в 20 человек во главе с Никифоровой уехал в Крым, откуда должен был проехать в Ростов и взорвать ставку Деникина; Другой — в 25 человек во главе с Ковалевичем, Соболевым и Глазгоном уехали в Харьков для освобождения арестованных махновцев, а в случае неудачи — для взрыва Чрезвычайного Трибунала, и третий — во главе с Черняком и Громовым выехали в Сибирь, для взрыва ставки Колчака.

В конце июля Никифорова, вместе со своим мужем, известным анархистом В. Бжостек[594] была опознана и повешена в г. Симферополе генералом Слащевым. Ее отряд из Крыма перебрался на Кавказ и принимал участие в движении зеленых. Сибирский отряд проехал за Урал и также принимал участие в повстанческом движении в тылу Колчака.

Отряд Ковалевича[595] из Харькова решил выехать в Москву, в которой усматривал все «зло». В короткое время он организовал свою типографию и распространял погромные воззвания за подписью «Всероссийская организация анархистов подполья».

Эти боевики готовились взорвать Кремль и безнаказанно экспроприировали банки в Москве, Туле, Питере, Брянске, Иваново-Вознесенске и других городах. Но о деятельности этого отряда будет сказано ниже.

А Махно продолжал митинговать в Большом Токмаке. Красная рота, бывшая в распоряжении Военкомата, перешла на его сторону. Местные махновцы также переходили к нему в отряд, возросший к 17-му июня до 600 человек.

Из Большого Токмака Махно с отрядом вышел в район Новониколаевки с целью прикрыть левый фланг наших войск, но узнав, что в Софиевке (20 в. северо-восточнее Александровска) проходит волостной крестьянский съезд, повернул туда.

Делегаты съезда избрали Махно почетным председателем и заявили, что, хотя Махно и объявлен вне закона, но они выражают ему доверие, так как знают, что именно он защитит крестьян от деникинцев и не даст помещикам издеваться над ними.

Выступивший Махно заверил съезд, что повстанцы не бросят крестьян Украины в трудную минуту, если они сами будут проявлять активность в борьбе с белыми и поддержат повстанцев. Махно говорил, что, несмотря на то, что махновцев объявили вне закона, они продолжают держать фронт и бороться с контрреволюцией.

— Да и могло ли быть иначе. Мы защищаем свой район, свои очаги, свои хаты. Нас обвинили во всех грехах, — говорил Махно, — но мы виноваты лишь в том, что заявили: исконный враг труда и свободы — власть. На нашем знамени начертано: «Власть рождает паразитов!» Мы лишили возможности находиться паразитам в нашей среде, и вот на наш свободный район наступает власть в лице Деникина с востока и власть в лице Троцкого, нам в спину, с запада. Они с одинаковой злобой ненавидят нашу свободу и применяют одинаковые средства и приемы к нашему закреплению.

Вот что пишут деникинцы в своей листовке о махновцах:

«Кто такие махновцы и чего они добиваются?»

...Им нужно одно — погреть руки возле чужого добра, ведь это самый легкий промысел для тех, кто забыл Бога, забыл Родину, забыл честь, совесть и думает только о наживе. А добиваются они того, чтобы не было у нас никакого порядка, чтобы перевернуть решительно все вверх дном: ведь среди беспорядков и анархии им будет легче ловить рыбу в мутной воде и делать свои темные дела.

Ведь ничего другого, кроме звериных призывов бить одних, бить других, бить третьих, мы от них не слышали и не услышим. Но разве мало слышали вы таких призывов от большевиков?..

Вы крестьяне, и вы рабочие, имеете теперь такой случай помочь борцам за Великую, Единую и Славную Россию...»[596].

А вот что вторят белым в своей листовке красные лицемеры. Махно снова начал читать листовку.

«Конец кулакам. Черное предательство изменников рабоче-крестьянского дела — Григорьева, Махно, Зеленого, Мазуренко и др. предводителей кулацких шаек сделало свое дело. Крестьянство должно само бороться с этими негодьями, потерявшими совесть и готовыми за гривенник продать не только крестьянина, но и своего родного отца. Крестьяне должны беспощадно уничтожать этих пособников офицерской банды и тайных друзей панов-помещиков. На все их змеиные провокаторские речи крестьяне должны ответить: “Вон негодяи! Трудовое крестьянство знает, что за вашей спиной прячется морда жандарма и палача”.

Политуправление Реввоенсовета 12-й армии»[597].

Далее Махно сделал краткий анализ двух листовок.

В заключение он поблагодарил съезд за доверие и заявил, что готов за бесправное, подневольное, беднейшее крестьянство умереть, лишь бы не дать их в обиду, а для этого он немедленно с отрядом отправляется на фронт.

Отряд имел жестокий бой с деникинцами и после боя направился к г. Александровску.

Дойдя до с. Мокрое, что в 5 верстах северо-восточнее Александровска, отряд остановился на ночевку.

Утром в город к председателю Уисполкома Михайловскому и военкому Гоппе был откомандирован Чубенко с заданием узнать обстановку на фронтах, будет ли защищаться Александровск и каково отношение на сегодняшний день центральных органов к Махно и махновщине, прозондировать почву в смысле приобретения боеприпасов.

Из Александровска к Махно был откомандирован т. Гоппе.

Приехала делегация в Мокрую поздно ночью, Махно уже спал. При встрече Махно и Гоппе расцеловались, и Гоппе стал просить Махно принять на себя командование обороной г. Александровска, хотя бы пока Федько[598] выведет крымскую армию из Крыма. Махно ответил, что днем будет в городе, где все можно будет обговорить.

Утром следующего дня Махно с отрядом человек в 60 отправился в г. Александровск. Но разговора о том, чтобы поручить руководство обороной г. Александровска Махно, никто не возобновил.

К вечеру Махно возвратился в с. Мокрое с плохим настроением и плохой вестью. Выяснилось, что 17 июня в г. Харькове расстреляли многих махновцев, в их числе члены полевого штаба махновцев, анархисты: Михалев-Павленко, Бурдыга, Олейников, Коробко и

левые эсеры: Костин, Полунин и Добролюбов. На летучем собрании приняли решение немедленно занять переправу через Днепр.

Отряд Махно в 600 человек и подошедший отряд Щуся в 250 человек при одном орудии и 20 пулеметах «Максим» на тачанках, но без патронов, при полной боевой готовности, в сумерках прошли через г. Александровск и в 8 верстах вышли к Кичкасской переправе.

Примерно 24 июня по Кичкасскому мосту Махно перешел на правый берег р. Днепр и остановил свой отряд в колонии Кичкас, наблюдая в то же время Кичкасскую переправу.

За те три дня, которые повстанцы провели в Кичкасах, у них побывало много делегаций от воинских частей с просьбой взять их под командование Махно. Но Махно всем категорически отказывал, мотивируя это тем, что их уход ослабит противоденикинский фронт. Согласился взять с собой только пулеметную команду Фомы Кожина, за которым особенно охотились комиссары.

На третий день в Кичкасы прибыл П. Дыбенко, командир отряда особого назначения К. Медведев и политком, кажется Антонов. После приветствий Дыбенко сказал, что он приехал, чтобы сдержать честное слово, и ставит в известность Махно, что на него будут посланы войска для окончательного разгрома махновщины, поэтому повстанцы должны немедленно уйти из района.

Распорядившись, чтобы завтра Махно обязательно прибыл в его штаб в Никополь, Дыбенко отбыл. Медведев и Антонов с небольшим отрядом остались для ареста Ф. Кожина, но во время ареста были схвачены не подчинившимися приказу пулеметчиками Кожина и расстреляны.

На следующий день в штаб пришел телеграфист и заявил, что Махно не должен ехать в г. Никополь, так как стало известно, что Дыбенко хочет заманить Махно и его командиров к себе в Никополь и там их арестовать, то есть повторить то, что сделал К. Ворошилов с Михалевым-Павленком и Бурдыгой.

В этот же день Махно распорядился перевести отряд в с. Хортицу, что в 6-ти верстах южнее Кичкаса.

Пробыв пару дней в Хортице, отряд Махно занял ст. Канцеровку, откуда Махно разговаривал по телеграфу с военным и партийным командованием, в том числе и с Дыбенко.

Из ст. Канцеровки отряд отправился в направлении с. Томаковки.

Наши же части продолжали воевать под новым высоким командованием, но положение на фронте все ухудшалось.

17 июня в г. Харькове под председательством троцкиста Пятакова (члены: Буздалин и Рафаилов) заседал Чрезвычайный военный трибунал Донецкого бассейна. В числе приговоренных, и в 24 часа расстрелянных, были члены бывшего полевого штаба Повстанческой дивизии: Бурдыга, Коробко, Михалев-Павленко, Олейников, Добролюбов,

Костин и Полуни[599]. Им инкриминировалось открытие фронта Деникину.

Весть о приговоре и казни наших штабных командиров и товарищей быстро облетела фронт и действовала на него самым разлагающим образом. Все пали духом, но не отступали.

В этот период идейные анархисты и представители Конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», покинувшие махновщину, продолжали идеологическую борьбу. По старым каналам к нам продолжала поступать периодическая литература анархистов и мы проявляли к ней живой интерес.

Газета «Одесский Набат» писала:

«Правда о Махно.

С легкой руки большевистского батьки Троцкого в казенной большевистской печати начался гнусный поход против тов. Махно и повстанцев Гуляйпольского района. В этом бешеном урагане лжи, наветов и клеветы с одинаковым успехом соперничают и бутербродные писаки разных местных «Известий» и Всеукраинский опекун крестьян Раковский, и обер-жандарм большевистской власти, генерал над генералами Троцкий. Тут обвинение т. Махно и его товарищей в измене и предательстве, в открытии фронта Деникину, в стремлении к свержению Советской власти, низкие, подлые провокационные наветы нечистых людишек, сводящих партийные счета с честным революционером, неподкупным борцом за освобождение трудящихся от гнета Капитала и Власти.

Тов. Махно — анархист, каторжанин, амнистированный революцией 1917 г., испытанный идейный работник. В своем родном округе районе Гуляй-Поле, т. Махно пользуется широкой популярностью и любовью крестьян и рабочих. Вместе с другими повстанцами, он беспрерывно находится на фронте, выдерживая удары то гетманщины, то петлюровщины, а затем разбойных деникинских банд. Пришедшие на Украину большевики, с Дыбенко во главе, познакомившись лично с т. Махно, уезжали от него очарованные. Большевистские газеты за февраль с. г., как украинские так и московские, изобилуют хвалебными отзывами того или иного высокопоставленного большевика, об обаятельной личности самого Махно и героизме его повстанческих отрядов, об образцовом порядке в его частях...

Троцкие и Раковские смеют говорить об открытии повстанцами фронта, когда измена и предательство исходит от них самих, их ставленников-назначенцев, командиров и комиссаров.

Кто в течение долгих месяцев выдерживал натиск белогвардейцев Дона, грудью отстаивал каждую пядь революционной территории? — т. Махно, и его храбрецы-молодцы повстанцы! Кто мешал развитию здорового повстанческого движения, в то же время переманивая к себе белогвардейских офицеров? Большевики и их прислужники. Кто держал громадный фронт против хорошо вооруженного врага, при отсутствии патронов и винтовок, чуть не с голыми руками сражаясь десятки против сотен, роты против целых неприятельских полков? Эти чудеса храбрости Гуляйпольских повстанцев были засвидетельствованы даже казенной печатью. Однако, кто не менее, чем деникинские офицеры и генералы, боялся вооружения повстанцев? Увы, наши собственные генералы от революции — Троцкие, Подвойские и вся

их верная дворня, разные тайные и штатские не бесплатные советники...

Нет, очевидно, проклятое племя Сухомлиновых и Мясоедовых не перевелось еще на доверчивой Руси и благоденствуют и сейчас в нашей “социалистической” республике!

Зная, что их недолюбливают в центре, повстанцы поручили посетившему их в то время бывшему анархисту Роцину, пользуясь особым покровительством большевистского правительства России и Украины, беспристрастно изложить положение перед властями, взывая к незамедлительной помощи вооружением. Роцину в Харьковских “сферах” что-то обещали, но выполнить не выполнили. Гуляйпольский фронт дрогнул. В двадцатых числах мая Махно слал в центр телеграмму за телеграммой, указывая, что дальше с присылкой оружия медлить нельзя ни минуты, — наконец обессиленный, он телеграфировал, что не может больше посылать людей на убой, и поэтому просит немедленно принять у него командование дивизией. Эти телеграммы были прочитаны наркомаами Ворошиловым и Межлауком на пленуме Харьковского совдепа 30-го мая. Но вместо того, чтобы тут же принять срочные меры к спасению фронта, власти предпочли заняться теперь уже открытой травлей Махно и его товарищей: Махно, мол, испугался, повстанцы-де вообще не боеспособны и т. п. А там, на фронте, видя окончательное предательство власти, исполком Гуляйпольского военно-революционного совета, выделенного III-м районным съездом, решил на заседании 30 мая созвать экстренный IV съезд крестьянских, рабочих и повстанческих делегатов Гуляйпольского района на 15 июня...

2-го июня Троцкий разрешил статью “Махновщина”, в которой этот пронизательный мужчина рассуждает о желании Махно установить анархическую власть (???), и заканчивает: “с этим анархо-кулацким развратом пора покончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было”. 4-го числа Троцкий издает грозный приказ за № 1824, в котором он строжайше запрещает Гуляйпольский съезд, который, по его мнению, должен вызвать “мятеж” в духе Григорьевского и открытие фронта белогвардейцам. Большевистские рептилии живо подхватили глас батьки Троцкого и началась вакханалия возмутительной лжи: смешивание Махно с Григорьевым, с лево-эсерами, с незалежниками, чтобы скрыть следы собственного предательства и преступления, центровки заявили, что Махно и повстанцы открыли фронт казакам... (неразборчиво. — А. Б.) того царского жандарма, который после кишиневского погрома говорил, что это евреи нарочно устроили кровавый погром на самих же себя.

Но если храбрецы-повстанцы не могут быть заподозренными в предании своих селений на разгром казакам, то очень много данных говорит за то, что наши великие государственные умы, чтобы сохранить авторитет своей власти, чтобы во что бы то ни стало покончить с очагом независимого революционного движения, решили пожертвовать повстанческой территорией.

В изуверском бреде иезуита-фанатика, Троцкий пишет, что “на Гуляйпольском съезде анархистов Махно призывал к восстанию против Советской власти”. Наглая беззастенчивая ложь и провокация. Ни в самом Гуляй-Поле, ни в районе Гуляй-Поля ни явного, ни тайного анархистского съезда никогда не было. Ни о каком объединении с какими бы то ни было партиями, ни о каком восстании против Советской власти Махно и его товарищей речи быть

не могло. Вот что пишет Махно в “Путь к Свободе” № 2 от 24 мая с. г.: “выступить ли против существующей власти в целях ее свержения и установления другой «лучшей», как говорят меньшевики, и левые % эсеры?

Нет и нет! Всякое свержение власти сейчас вызовет к жизни другую власть, не лучшую, а скорее худшую... Освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих — этот лозунг означает не только то, что трудящиеся могут освободиться от капиталистического рабства лишь своими усилиями, но также и то, что новая жизнь трудящихся может быть построена только самими трудящимися и никем больше... Творчество свободной революционной жизни народа, это колоссальное дело, глубокое и беспредельное, как океан, и всякая власть, берущая на себя смелость творить эту жизнь и требующая себе подчинения народа, запутывается в непосильном для нее деле и, не желая сознаться в своем революционном банкротстве, становится тираном над народом...”.

Да, неудивительно, что батько Троцкий запретил кому бы то ни было прикасаться к воззваниям т. Махно и Гуляйпольского исполкома. Пропаганда строительства новой жизни без помощи новых тиранов-властителей, звать к такому безвластному строительству и пытаться на деле его осуществить, игнорируя бессильные потуги власти, — нет, этого не могло допустить никакое правительство, даже архи-социалистическое, “рабоче-крестьянское”. Товарищ Махно должен был быть сломлен социалистической властью, даже ценой предательства революции, ибо дело шло о сохранении самого принципа власти.

В Гуляй-Поле победоносно вступили красные войска. Престиж власти сохранен. Повстанцы обессилены.

Тов. Махно ушел. Большевики торжествуют.

Революция умирает. Вступает в свои права обнаглевшая реакция.

А. Барон»[600].

Харьковский «Набат» писал:

«Победа ли?

Прошла неделя, другая, как большевистский корабль был в большой опасности, когда все лучшие силы партии были мобилизованы, чтобы восстановить положение могущества, которое за последнее время сильно пошатнулось.

Большевики, учитывая деникинское наступление, решили поставить на карту (неразборчиво. — А. Б.) и одновременно покончить с двумя для них опасностями: приостановить наступление деникинцев и сокрушить непокорных махновцев, свободолюбивых повстанцев, которые пришли к сознанию, что и без большевистских комиссаров они сумеют устроить свою жизнь и защитить завоевания революции.

Атака на повстанцев была начата по всем правилам военного искусства. Все большевистские газеты (и им в тон вопил также и меньшевистский подголосок, ведь свой

своего в беде выручает..) были полны мерзкой клеветы по вопросу повстанцев. Все было сделано для того, чтобы с корнем уничтожить гуляйпольскую революционную заразу.

Большевики ликуют... Надломлено упорство храбрых повстанцев, Батько Махно послал Троцкому телеграмму с предложением прислать военного руководителя для принятия дивизии.

В своем партийном заблуждении большевики даже не находят довольно откровенности опубликовать правду. По их словам выходит, что т. Махно отказался от руководства дивизией лишь при предпринятом Деникиным наступлении, что не соответствует действительности, т. Махно это сделал еще до этого, сейчас после пребывания Каменева в Гуляй-Поле.

Большевики, ругая т. Махно анархо-кулаком, видно забывают, что он идейный анархист и к власти не стремится и что он постолько и до тех пор руководит дивизией, пока к нему питают доверие повстанцы, что заметь он самое малейшее недоверие или подозрительность к себе, не только такую враждебность, какая царит, теперь среди самых широких трудящихся масс к большевикам, он бы ни минуты не остался бы на своем посту.

Еще несколько месяцев тому назад мы предвещали, что рано или поздно защитница власти, большевистская партия, не допустит, чтобы руководителем целого района был идейный анархист и постарается разоружить повстанческие части, мы задали т. Махно следующий вопрос, что он намерен предпринять в случае, если вышесказанное случится. Он ответил нам, что тогда он в народ уйдет и будет продолжать анархическую работу, но не допустит, чтобы повстанцы дрались со своими братьями-красноармейцами из-за него.

Вот как отвечают и должны отвечать революционеры... Трудовая масса умеет ценить и знает, кто революционер и их друг, Махно или другие, называющие его анархо-кулаком и чуть ли не провокатором.

В то время, как “революционер”Троцкий, защищая революцию, осыпал в Харькове и Екатеринославе руганью и клеветой тех самых повстанцев, которые истекали кровью от ударов деникинцев, в то время, как Троцкий в своем салон-вагоне писал приказы предавать огню и мечу всех, кто мыслит и не действует по-большевистски, в этот грозный для революции час, когда после нескольких дней упорных боев с превосходными силами деникинских банд, гнездо повстанцев — Гуляйполе — было занято врагом, а станция того же названия переходила из рук в руки, “погромщик, соратник пьяного Григорьева анархо-кулак и контрреволюционер Махно”, выбрав человек 50 самых близких и геройских повстанцев и взяв несколько пулеметов, смело двинулся на врага, чем внесли воодушевление в рядах повстанцев.

Как это не похоже на самых даже лучших революционеров из властнического лагеря, которые способны лишь приказывать, повелевать и распоряжаться...

Власть торжествует... Махно “сдался”. В Гуляйпольском районе как и во всем большевистском царстве, появятся чайкомы и иные атрибуты “Советской” власти.

Большевики не как «умные»политиканы, должно быть чувствуют, что замена Махно, назначенным сверху руководителем и переименование повстанцев в красноармейцев не значит еще, что большевики будут иметь в Гуляйпольском районе благоприятную почву для себя.

Они несомненно чувствуют, что безвластнический корень среди гуляйпольских повстанцев пустил глубокие ростки, что влияние тов. Махно на повстанцев слишком велико, чтобы сразу отстранив его от повстанческого движения, можно было бы пользоваться хоть каким-либо влиянием на повстанческую массу, а потому они, вероятно, постараются приложить все усилия, чтобы перетянуть на свою сторону не только повстанцев, но и тов. Махно.

Недаром в некоторых большевистских газетах уже замечается другое отношение к т. Махно и как пишет передовица “Елисаветградских Известий”от 13 июня, что “своей телеграммой т. Махно показал, какая глубокая разница существует между партизаном-революционером и партизаном-бандитом Григорьевым...”.

Но... сделанного не воротишь.

История не простит большевистской власти за ее преступный шаг по отношению к гуляйпольским повстанцам, которые в самую критическую минуту получили от нея не помощь, а смертельный удар в спину.

Мы надеемся, что этот урок не пропадет даром, не только для повстанцев, но и для всех сознательных рабочих и крестьян. Это должно их окончательно убедить, насколько антиреволюционная, антирабочая и антикрестьянская всякая власть, даже социалистическая, даже большевистская, и даже “рабоче-крестьянская”, какую мы имеем теперь...

Я. Алый»[601].

Тогда же 20 июня 1919 г. на запрос Народного Комиссара по иностранным делам Г. Чичерина о причинах столь быстрого отступления красных войск сотрудник комиссариата Д. Гопнер в своей записке сообщал:

«...Одна из причин отступления Красной Армии под натиском Деникина — авантюра вокруг Махно и несвоевременное объявление открытой войны партизанщине...».

Далее в записке описывается роль и заслуги Махно в ликвидации австро-немецкой оккупации на Украине и в борьбе с гетманщиной, анализируются подвиги и стойкость махновцев в бою с деникинцами.

Тем временем положение на фронте все ухудшалось. Для облегчения тяжелой обстановки на участках 13-й и 14-й армий Ворошилов издал приказ от 21 июня 1919 г., в котором мариупольской группе т. Кочергина ставилась задача: «Упорно оборонять занимаемые позиции с целью прикрытия железнодорожной магистрали Славгород–Александровск–Мелитополь... Разграничительная линия слева: Андреевка, что в 15 верстах севернее г. Александровска–Славгород–Григорьевка–Чаплино–Просьяна — все

пункты исключительно...»[602].

То есть надо было держать фронт протяженностью 160 верст, который занимали махновцы и ранее.

В смысле перелома военного успеха у нас была большая надежда на Харьковский укрепрайон, который 7 июня на пленуме Харьковского Совета был объявлен «Красной крепостью», во главе с ВРС. Но перелома не произошло, а 24 июня 1919 г. Белгород и Харьков были сданы противнику[603], хотя в газете «Беднота» от 25 июня 1919 г. вдогонку событиям еще писалось: «...Харьков с подступами к нему успел уже превратиться в сильнейшую крепость.

Харьков защищают не партизаны анархисты “Батьки Махно”, которые бежали перед каждым сильным отрядом врага, а регулярная Красная Армия рабочих и крестьян...».

Тогда же член ВРС 14-й армии А. Бубнов телеграфировал в высшие инстанции:

«На ст. Ромодан встретил Аверина. Положение под Екатеринославом более чем катастрофическое, нет ни одного русского патрона, целые рабочие батальоны вырезаются казаками. Настроение рабочих прекрасное, только что сформированный батальон пошел (в) наступление, занял Синельниково, но, расстреляв ничтожное количество патронов, был целиком уничтожен... Главное — патроны. Аверин утверждает: будут патроны — положение улучшится немедленно»[604].

К 24 июня я уже полностью сдал войска и штаб бывшей Повстанческой дивизии им. батько Махно советскому командованию, был свободен от всех обязанностей и осматривал кавалерийский полк, который из Александровска прибыл в Орехово на подкрепление фронту. Противник успел отбросить наших на 20 верст к западу и уже подходил к Орехово, когда меня Ворошилов потребовал в штаб армии.

— Что-то меня ожидает? — думал я, подъезжая к станции Александровск. — Вызволит из несчастья приемный акт или нет?

Комиссия штарма 14-й мне выдала примерно следующий акт о приеме фронта, который был векселем, могущим оправдать меня перед командармом.

АКТ.

Настоящий выдан комиссией штаба 14-й армии бывшему начальнику полевого штаба 1-й Повстанческой дивизии Махно тов. Белашу В. Ф. в том, что от него принято и передано вновь назначенному командиром 3-й бригады 7-й стрелковой дивизии тов. Круссеру А. С. следующее: 1) Участок фронта по линии: г. Бердянск, Новоспасовка (Осипенко), Троицкое (Карла Маркса), Цареконстантиновка (Куйбышево), Пологи, Гуляй-Поле, Гайчур, Покровское. 2) Пехотные полки: а) Новоспасовский (Вдовиченка) в составе 6 000 красноармейцев, из них 3 000 без винтовок. б) 8-й Заднепровский (Бондарца) в составе 5 000 красноармейцев, из них

2 000 без винтовок. в) 7-й Заднепровский (Калашникова) в составе 7 000 красноармейцев, из них 4 000 без винтовок. г) 9-й Греческий (Тахтамышева) в составе 2 000 красноармейцев, из них 1 200 без винтовок. д) 10-й Донской (Бондаренка) в составе 5 000 красноармейцев, из них 2 000 без винтовок. е) 11-й Игнатъевский (Ровазы) в составе 6 000 красноармейцев, из них 2 000 без винтовок. ж) три полка сводных в составе 12 000 красноармейцев, из них 10 000 без винтовок. з) группа Паталахи в составе 8 000 красноармейцев, из них 3 000 без винтовок. и) группа Петренко (Платонова) в составе 4 000 красноармейцев, из них 3 000 без винтовок. к) три бронепоезда, вооруженные: один — шестидюймовым орудием, два — 3-мя 3-х дюймовыми, при 25 снарядах, и 15-ти пулеметах. л) три полевых батареи — 18 трехдюймовых орудий, на каждое орудие от 3-х до 10 снарядов. м) сто пулеметов на тачанках и до 30 000 патронов. н) снабжение и кассу — 500 000 рублей и другое имущество дивизии.

Председатель комиссии (подпись)

Члены: (четыре подписи)

9 июня 1919 года, г. Орехов[605].

— Ничего не будет до самой смерти! — утешал меня Долженко. — Напишешь Ворошилову рапорт, приложишь акт и, я уверен, все будет как по маслу!

Вскоре мы приехали на станцию Александровск. Долженко принял предостерегающие меры: выставил часовых и, на случай, в шторм послал секретную агентуру. Я писал рапорт, когда Долженко сообщил о том, что Ворошилов находится в штабе, и там идет какое-то заседание Реввоенсовета.

— В аккурат попали, идем скорее! — говорил он. — Опасность не замечена, все хорошо!

Мы отправились в шторм 14-й к Ворошилову...

— Поддерживая товарища Ленина, я был прав. Даже на расстоянии Украину он видел намного лучше, нежели мы, сидящие в Киеве и Харькове, — слышался баритон из кабинета командарма.

Мы с Долженком сидели в приемной, ожидая конца заседания. Никто из служащих шторма не подозревал в нас командиров бывшей дивизии махновцев, отчего мы имели возможность сидеть у дверей кабинета и слушать горячие споры за дверью.

— Он писал, — продолжал баритон, — будьте политиками, а не военными диктаторами. Пока белогвардейщина и войска Антанты не разбиты на Украине, осторожнее с Григорьевым и Махно. Не обостряйте отношения, будьте дипломатичными, используйте их в борьбе с нашими главными противниками.

— Я говорил, — продолжал баритон, — что махновщину нельзя сравнивать с григорьевщиной, мы не считали ее советским движением в подлинном смысле этого слова, ибо идея анархизма, это — идея кулака. Но махновщина — наша попутчица более честная,

нежели григорьевщина.

Если Украинское правительство возлагало большие надежды на Григорьева и организовало ему дивизию, объединило вокруг него мелкие повстанческие отряды, то, наоборот, на махновщину оно смотрело, как на что-то чуждое, вредное. Местные партийные организации, вместо умелого подхода к ней, всячески спорили, компрометировали, тормозили снабжение, развитие военных сил этого района, переобразование бригады в дивизию, забывая, что это часть наших боевых сил, часть Южного фронта.

И что от нас махновцы получили взамен своей самоотверженной борьбы на фронте? Что мы им дали? А ведь войска повстанцев состоят не только из анархистов и левых эсеров. В своей массе это беспартийные рабочие и крестьяне, и от такого нашего отношения к ним, естественно, восторгаться им не приходится.

Сейчас мы должны перестроиться и укрепить этими силами фронт.

Как вы знаете, Махно с группой в 600 человек ушел на Херсонщину собирать армию, а все его полки остались под непосредственным нашим руководством. Это что означает?

Будь это григорьевщина, она бы давно передалась на сторону Деникина. Но, махновцы терпят даже тогда, когда наши трибуналы вырывают из их рядов любимых командиров. Они наши попутчики, Надо лучше присмотреться, надо взвесить старые промахи, и нам без боли удастся перевоспитать партизан, подчинить командиров.

Боевая обстановка участка нашей 14-й армии на сегодня неблагоприятная. Махновцы имеют большой резерв и, если мы их вооружим, снабдим боеприпасами, они будут воевать. Только вот не знаю, что делать с командирами: оставить их или заменить своими? И я бы рекомендовал, в основном, оставить им старых командиров, которые хорошо знают своего противника и самоотверженно ведут полки в бой.

— Как оставить? Это невозможно, — сразу обозвалось несколько голосов. — Есть директива Троцкого, надо ее выполнять!

— Нет, товарищи, я не согласен с нею, — произнес баритон. — Старых махновских командиров мы должны использовать в целях скорейшей победы над партизанщиной.

— Нет, нет, это невозможно, — перебили голоса, — их надо в ЧК и никуда больше.

— Товарищи, меньше горячки, больше дела. Кого вы дадите на их место? Есть ли они у нас? Таким командирам, как Митрофанов, погубивший 3-й советский полк у Чаплино, я бы рекомендовал не доверять махновцев, ибо они навредят. Мною отдано распоряжение, чтобы махновский участок разделить на четыре участка и поручить командование Федьку, Кочергину, Маслоу и Митрофанову (красные командиры). К ним надо выслать в качестве помощников Куриленка, Белаша, Платонова и Калашникова.

— Нет, нет, это невозможно, их надо в ЧК, — снова загудели в кабинете.

Положение наше в приемной было «аховское». Мы не знали, что делать: бежать в подполье или открыть дверь кабинета и крикнуть: «Спасайте фронт, чем только можно, но не преследованием, оно погубит нас всех».

Вскоре собрание получило известие о том, что кавалерийский полк, который я видел в Орехово, разбит.

— Это махновцы, — послышалось за дверью. — Не иначе — они. Ведь не мог противник разбить такой примерный полк: сил у него не хватит!

Но голоса ошибались. Не только разбит кавалерийский полк, но пострадал и пехотный в самом настоящем бою с белыми, а не с махновцами. Спорщики еще не знали грозной силы противника, который был силен, обучен и лучше нашего вооружен. На всех участках он перешел в наступление и имел везде успех.

— Вот и махновцы, вот и доверяй им, — заговорил кто-то скороговоркой в кабинете, — я говорил, что григорьевщину и махновщину мы долго терпели, отчего понесли поражение. Во всем виновато наше военное командование, и никто больше. Их надо было сразу разоружить и не вступать с ними ни в какие союзы, ни в какие соглашения. Но коль промахнулись, каленым железом, самыми репрессивными мерами надо теперь лечить язву. И чем скорее разоружим и нейтрализуем, тем быстрее пойдём к победе; жалеть не следует!

— Товарищи, — перебил баритон, — не место обвинять военное командование в махновщине и григорьевщине, ибо у нас мало было сил. При их поддержке наша Украинская Красная Армия, а она была вначале в составе только двух дивизий, заняла юг Украины и Крым. И не будь их, таких успехов на Украине нам не видать. Да, мы долго терпели этих попутчиков и должны были терпеть, ибо, если бы их на фронте не было, то кем бы вы их заменили? С какой шумихой проходит мобилизация теперь, но на фронте сил пока что нет.

На Украине у нас не было общезонного резерва армии, полки имели запасные части в своем близком тылу и пополнялись из добровольцев. Кроме того, ведь у нас не было достаточного количества патронов, снарядов, физической силы. Как можно было не обращать внимания на повстанцев? — говорил баритон.

Он еще что-то говорил, уговаривая собрание, чтобы с махновцами, в интересах победы, поступить повежливей. Но голоса были непримиримыми.

Наконец совещание ВРС закончилось.

Командарму, очевидно, доложили о нашем прибытии и мы были приглашены в зал.

— Кого я вижу, — поднялся ко мне навстречу бывший комиссар из г. Туапсе т. М...й.

Мы были знакомы с 1917 г. по Туапсе, где вместе 15 октября организовывали выступление, провели туапсинский октябрь.

Беседа с Ворошиловым началась о фронте. Он живо интересовался противником, разделял мой взгляд относительно отвода в тыл безоружных махновцев для реорганизации и вооружения, выслушал мои доводы в отношении вредного влияния на войска репрессивных мер против махновцев. Под конец он дал слово, что никто из махновцев не будет арестован и направил меня в Большой Токмак в распоряжение начбоеучастка Кочергина.

Мы расстались...

— А это еще, что такое? — спросил меня Долженко, когда подходил к своему вагону. — Никак арест?

Вагон, в котором мы приехали, был оцеплен красноармейцами. Несколько наших товарищей стояли в сторонке в кругу конвоя.

— Смотри, они арестованы, — говорил Долженко. — Надо быть на стороже. Ворошилов обманул, бежим скорее.

Да, положение было не из приятных, надо было скрываться. Но куда, от кого? Ведь он обещал, дал слово?! И мы свернули в город.

У штарма было оживление: караул усилен, выставлены пулеметы. Полк ротами подходил и строился тут же, на улице, против штарма.

Вскоре мы сидели на конспиративке и обсуждали тревожный момент, как вдруг стучится наш паренек. Он явился вовремя, и я использовал его для связи с М-им.

«Дорогой друг М...й! Надеюсь, мы останемся такими, как и раньше. Вспомни Кавказ... Мы были идеологическими противниками, когда в мирной обстановке перед массами выступали на митингах, ты защищал большевизм, я — анархизм: чуть не дрались за идею! И какими хорошими были товарищами наедине, помнишь, в Совете, когда надо было решать городские дела? И, вероятно, помнишь, какими были задушевными братьями, когда надо было усмирять восставшие станицы, идти в атаку на Корнилова? Наши политические разногласия сглаживались, оскорбления забывались, мы объединялись и потому побеждали.

Не такое ли положение сейчас на фронте? Но у вас не хватило терпения и, видимо, всю злобу за неудачи на фронте вы решили выместить на махновцах. Я вас не понимаю! За что арестованы мои ребята? Вексель, данный мне Ворошиловым, надо полагать хитрой уловкой? Почему же ты не арестовал меня, когда с Иваном был у тебя? Нет, видно, ты не испорчен окончательно. Наша беспечность, а, порой, безрассудность, губит дело революции. В настоящий момент, когда крайние бедствия вызвали у революционного крестьянства напряжение всех сил, когда все честное поняло, что решается вопрос трудового народа на многие годы, когда махновщина (без Махно и Реввоенсовета) отодвинула свои требования, личные и политические, свое недовольство и недоверие, когда фронт так неважен, вы начали поход против тех, которые все время проливали на фронте свою кровь. Помни, друг, что махновщина ставила и ставит своей задачей — раздавить врага. Сумейте подчинить ее себе не репрессиями, а ласковым, добрым словом и делом, она послушается. Знайте, что репрессиями непоправимо навредите!

Что намерены делать с махновщиной? Как фронт?

Я ушел в подполье и буду ожидать момента, пока фронт настолько определится, что смогу ему принести, хотя малую, пользу. Буду рад, если Деникин вами будет побежден. Виктор.

25/6 19 г. Подполье».

Вскоре, я получил ответ, звучал он примерно так:

«Дорогой Виктор! Ты прав, и твои мысли я целиком разделяю. Пойми, что мы поставлены в такое положение, при котором ни в какой мере не можем верить махновцам. Только что получили телеграмму, что твой Махно в селе Томаковке изрубил на днях продотряд и соединился с Григорьевым.

К тому же Харьков, на который так надеялись, сегодня взят Шкуро. Оставлены белым г. Белгород, ст. Синельниково, на ст. Раздоры целиком погиб батальон Ленинской бригады.

Это — причины, побудившие к арестам. Но, думаю, сегодня же они будут освобождены. Перемелется — мука будет! 13-я, 8-я и 9-я армии продолжают отход на север. Нашей 14-й приказано перейти в наступление, чтобы отвлечь Деникина от Харьковского участка. Не знаю, что ожидает впереди — успех или поражение, но на Екатеринослав прорыв обозначился. Собираем свои вооруженные крохи, чтобы отбить Синельниково и проехать на Екатеринослав, где имеем вполне укрепленный район. Прощай. 25/6»».

В ночь на 26 июня я с Долженком на телеге ехал в сторону Орехово. Не доезжая села Камышевахи, встретили сводный отряд Шубы и Чередняка, который оставил фронт и уходил в тыл.

«Что мы там будем торчать, когда красные вчера переарестовали наших командиров... Идем на выручку; пусть они воюют сами», — так говорил Шуба.

Его отряд к тому времени состоял, примерно, из 400 штыков и 50 сабель. В нем было большинство анархистов и много им сочувствующих.

«Если они не тронут нас, мы не поднимем руки, — говорил Шуба. — А если тронут, пойдем к ним в тыл и будем защищаться».

Мои старания уговорить шубинцев и отряд Чередняка вернуться на фронт, ни к чему не приводили: они не слушались.

На станции Камышевахе я встретил Давыдова, который рассказал: «Ворошилов поручил мне формировать бригаду из наших невооруженных ребят. Он утвердил предложенных мною командиров полков: Бондаренка, Тахтамышева, Петренка (Платонова)[606], Паталаху, с которыми я должен выехать в Кременчуг для формирования, получения винтовок и прохождения строя. Но, не знаю, что нас ожидает. Паталаха отказался выполнить распоряжение Ворошилова и самовольно с отрядом, состоящим из воскресенцев и вербовчан, перешел в наступление на свое Вербовое, которое и занял. Однако неприятель

зажал его так, что окончательно растрепал: Паталаха в бою убит, а отряд рассыпался».

Именно об отряде Паталахи и о сопротивлении Александровского уезда, объявленного троцкистами «самым заразным местом», писала газета «Звезда»:

«Александровский уезд... Крестьяне Воскресенской волости, узнав, что фронт приблизился, вооружились, кто чем мог и все до одного ушли на Цареконстантиновку к позициям. Такое же отношение к опасности, грозящей рабоче-крестьянской власти, проявляют и остальные волости»[607].

И это было действительно так. Население под руководством своих «батек» и «атаманов», безоружное, шло на смерть, защищая свою свободу.

«Платонов также митинговал и решил не отступать. Со своей группой 20 июня он занял Гуляйполе, но был отброшен и упорно дрался в селе Заливное, когда к нему приехали из штаба Митрофанова, чтобы арестовать. Всех приехавших (10 человек) он расстрелял и объявил войну красным», — продолжал Давыдов.

На станции стояли эшелоны, переполненные безоружными махновцами: их было около 15 000 человек. В это время противник перешел в наступление и к обеду 26-го занял линию: Б. Токмак–Орехов. Повстанцы, которые не уместились в эшелонах, пешим строем, колоннами шли на Александровск. Я выехал на станцию Пришиб.

Красное командование по всей линии фронта занималось махновцами, обсуждая вопрос, использовать ли их против Деникина целиком, или частично, то есть убрать командиров-повстанцев, направив их в трибуналы, а рядовую массу подчинить красным командирам. А пока охотились за командирами, производили реорганизацию и чистку махновских полков, Деникин не спал. Он наступал на все участки и имел успех.

Чувствуя близкую опасность, крестьяне в нашем тылу поддавались влиянию махновских командиров, шли к ним в отряды, обезоруживали красноармейцев, чтобы вступить в бой с деникинцами.

Так, в обширном районе на север и северо-запад от Мелитополя и до Днепра, с главным штабом в с. Михайловка (сейчас районный центр), наш бывший командир Зубков организовал несколько отрядов самообороны и обезоруживал всякого отступающего с винтовкой, рассматривая его как дезертира.

«Даю слово — удержу», — говорил он. — Что же они покидают фронт, бегут, некому защищать, надо организоваться... удержу проклятого кадюка[608].

Можно назвать типичными взаимоотношения повстанцев отрядов Зубкова с командой красного бронепоезда «Роза Люксембург» и его командиром Цуповым-Шапильским.

По приказу Дыбенко бронепоезд с командой в 30 человек был направлен от сивашской переправы в Мелитополь для оказания поддержки проходящей там линии фронта. Но, прибыв к месту назначения, узнали, что красные войска находятся уже на переправах через

Днепр, а железная дорога на север от Мелитополя перерезана белыми. Не соприкоснувшись с противником, не произведя по нему ни единого выстрела, команда решила взорвать бронепоезд и догонять своих.

Зубков передал Цупову-Шапильскому приказ Дыбенко о поступлении бронепоезда в распоряжение повстанцев, но тот не поверил и, сняв с бронепоезда пулеметы, орудия, боеприпасы на подводы, предоставленные Зубковым, взорвал бронепоезд.

Обоз с имуществом бронепоезда должен был пройти долгий путь к Днепру, оставленный без боя красными и безраздельно принадлежащий самообороне Зубкова. В первом же селе — Марьяновке один из отрядов Зубкова его и разоружил[609].

Зубков агитировал Цупова-Шапильского:

— Красные драпают без боя, бросают Украину белякам. А кто селян защищать будет? Кто свободу народную отстоит? Мы белых не победим, но урон нанесем, наступление задержим, народ вооружим, окажем массовое сопротивление, не дадим себя закабалить. Не устоим — будем партизанить — плавни рядом. Враг у нас один. Кто же, если не мы?

Все отобранное было возвращено, а Цупов-Шапильский был назначен заместителем Зубкова. Вскоре завязались упорные бои между многочисленными отрядами Зубкова и белыми.

Дав указание команде бронепоезда занять огневые позиции и поддерживать артиллерией бой с белыми, Зубков отбыл на передовую линию руководить боем.

Но, воспользовавшись отсутствием Зубкова, Цупов-Шапильский бросил команду бронепоезда (на артиллерию и пулеметы которой так надеялись повстанцы) не в бой, а в сторону, противоположную бою, к переправе у Малой Лепетихи. Посланный вдогонку отряд кавалерии был обстрелян из орудий и пулеметов и команда бронепоезда преспокойно переправилась на правый берег Днепра.

В довершение ко всему 15 июля красный комбриг Кочергин послал от переправы у Малой Лепетихи на Зубкова, воюющего с наступающими белыми, войска, которые ударили зубковцев с тыла и, разбив несколько отрядов самообороны, укрылись за Днепром.

«Дисциплинированные» войска под шум боя повстанцев с деникинцами бежали за Днепр и не просто бежали, а обстреливали из орудий и атаковали тылы тех, кто отчаялся по собственной инициативе оказать сопротивление белым, и в данном случае прикрывал отступление убегающих.

Некоторые махновские командиры, как и я, ушедшие в обозное подполье, только разводили руками и один другого спрашивали: «Что делать?»

30 июня, прибыв на станцию Федоровку, где стоял штаб боеучастка Кочергина, я стал рядовым артиллеристом во 2-ом артдивизионе Ивана Чучко[610].

В тот же день Шкуро занял город Екатеринослав, превращенный постановлением пленума Екатеринославского Совета в укрепрайон, и Константиноград, а кубанцы и донцы — станцию Лиски и город Царицын[611].

Член ВРС 12-й армии Затонский телеграфировал:

«Киев, 30/VI 1919 г. противник занял Екатеринослав. Части 14-й армии, отступившие от этого города, не боеспособны.

Противник свободно может распространяться в направлениях на Никополь и Кривой Рог. Впредь до переброски к Екатеринославу свежих частей примите меры (к) задержанию противника»[612].

И тогда же Политотдел 14-й армии докладывал:

«Совершенно секретно. Только Предсовнаркому Украины тов. Раковскому.

Доклад

ИнформРазведОтделения Политотдела 14 армии о состоянии частей 14 армии 15/VI по 1/VII 1919 года.

Сведения о боеспособности.

Фронт... 2-я бригада.

От частей бригады сведений не поступало.

Общие сведения о бригаде.

Командир бригады Наумов. Общее настроение красноармейцев бригады плохое. Ликвидация Махно вызвала в некоторых частях бригады возмущение. Части заявили, что ими будут исполнены только приказы Махно, против которого они никогда не пойдут. Сильно развито пьянство: совершенно отсутствует дисциплина. Преобладает анархистское настроение. Сильно развит антисемитизм. Необходим опытный, преданный командный состав.

... Общие сведения о 7-й дивизии.

7-я дивизия в большинстве состоит из частей бывшей дивизии Махно. Разбитые и преследуемые отрядами Деникина эти части сорвали устойчивость других частей.

Отдельные полки дивизии дерутся с подъемом и устойчивостью, достойной удивления, но небоеспособность других частей срывает общий удар и лучшие части несут огромные потери без пользы для дела.

Случаи, когда стойкие организованные и сознательные, хоть и малочисленные части, встречая врага лобовым ударом опрокидывали его и гнали далеко вперед с тем, чтобы расстреляв патроны, отдать врагу вдвое большее пространство, усеянное трупами красноармейцев, столь часты, что красноармейцы не доверяют высшему командсоставу, обвиняя его в измене: “нас продают”, говорят красноармейцы. Громадные потери, понесенные в таких наступлениях, довели до минимума состав частей и теперь сплошь да рядом количество строевых красноармейцев в полку определяется сотней-другой. Отсутствие общего плана кампании и нераспорядительность командного состава вызвали разрыв связи частей между собой и со штабом дивизии. Были случаи неисполнения распоряжения командсостава.

Неудачи на фронте, дезорганизация в тылу деморализуют часть. Надо сказать, что 7-я дивизия в целом совершенно не боеспособна и немедленно должна быть оттянута в тыл для формирования. Промедление в этой области недопустимо, так как дивизия может окончательно разрушиться и тогда уже трудно, почти невозможно будет ее восстановить... Азовско-черноморская флотилия состояла из 3-х судов, находилась в ведении Махно. Суда стояли на Александровской пристани. Командир Камчатый имеет членский билет Коммунистической партии, но фактически махновец. Команда флотилии требует, чтобы командиры им были присланы. Настроение команды вполне революционное. Сведений о последнем состоянии флотилии нет...

Назначенный политком слаб. Нужны политработники, так как работа не ведется. Командир флотилии махновец, разлагает команду...

Заведующий Политотделом 14 (подпись)

Завед. Информацией. Разведывательным отделом (подпись)»[613].

А из Харькова докладывали:

«Первыми из деникинской армии ворвались в г. Харьков части пехотного Дроздовского полка и казаки.,,

Белогвардейская Добровольческая армия идет под знаменем старой бюрократической России, то есть под знаменем, состоящим из трех цветов: белого, красного и синего. Вот такие знамена на другой день развивались почти на всех зданиях города. Красных революционных знамен, плакатов и воззваний, советских вывесок и вообще всего того, что носило революционный характер, и в помине не было.

28 июня появились уже портреты Колчака и Деникина, которые были вывешены в городе и на станции в большом количестве...

В последних числах июня месяца белогвардейским командованием было приступлено на Сумской (центральная улица г. Харькова. — А. Б.) у здания ЧК и на Чайковской на месте концентрационного лагеря к раскопкам ям, в которых были зарыты расстрелянные контрреволюционеры и бандиты. Раскопки производились в течение 27, 28 и 29 июня, и к 30 июня были почти закончены, то есть к тому дню, на который были назначены панихиды. В

продолжение всех трех дней на указанных местах толпилась масса народа. Приглашались лица для опознания трупов своих родственников. Весь город был поглощен только разговорами о Чайковской. Распространялись самые нелепые и невероятные, ужасные слухи о Чрезвычайной комиссии и об отдельных ее членах, например, о т. Саенко. На месте же раскопок среди присутствовавшего тут обывательского люда и буржуазии атмосфера озлобления к Советской власти так накалялась, что тут грозило вылиться в форму погрома над еврейским населением.

Всякому выступающему в защиту евреев грозил самосуд. На Чайковской едва не был растерзан озверелой толпой какой-то гласный Харьковской городской думы, заступившийся за евреев. Национальная рознь весьма заметно обострилась. Возможны погромы, которые могут начаться с ничтожного пустяка. Слухи же по городу распространялись все более и более, один другого нелепее и страшнее, и создали у обывателя самое неверное представление о ЧК и о коммунистах вообще...

В слепом озлоблении и ненависти к Советской власти всякий спекулянт, буржуй, черносотенец, если знает или узнает, где находится коммунист или бывший ответственный советский работник, как, например, комиссар, идет и заявляет в комендатуру города. Какая далее судьба этого человека — всякому известно...

Очевидцы передают о происходящих зверствах в Синельникове, где захваченные в плен красноармейцы раздеты почти догола и содержатся в каменном здании без пищи уже более недели.

Там же под Синельникове недавно расстреляны пригнанные бегом из Екатеринослава 30 матросов и 8 коммунистов. Сразу наповал жертвы не убивались, но постепенно расстреливались, дабы заставить умереть в муках...»[614].

Газета «В ружье»сообщала:

«Казачи ворвались в Екатеринослав в субботу 28 июня. Кровь стынет в жилах от ужаса, когда я начинаю вспоминать, что видел во время переправы через мост. Мост был в буквальном смысле залит кровью. Своих убитых казаки убирали, а трупы красноармейцев валялись неубранными. Проходя по мосту, казаки подборами поднимали оставшихся наших раненых и сбрасывали их в Днепр, говоря: “Свои не позаботились, так мы вас устроим...”.

Вместе с нами вели одного пленного командира-коммуниста и молодого еврея-красноармейца. Оба были страшно избиты. На середине моста казаки вспомнили о них, остановились, о чем-то поговорили между собой и затем сбросили в воду...

В воскресенье же на улицах Екатеринослава были расклеены первые приказы генеральской власти. В первом из них казачий комендант объявляет:

— Восстанавливается право на собственность: все захваченные у фабрикантов и заводчиков фабрики и заводы должны быть возвращены их владельцам. Захваченная крестьянами земля возвращается помещикам. Учиненные убытки уплачиваются собственникам — фабрикантам и помещикам.

Во втором приказе комендант объявляет:

— Восстанавливается союз помещиков Екатеринославской губернии, общество заводчиков и фабрикантов; союзу помещиков предлагается немедленно приступить к работе...»[615].

Анархическая газета «Набат» в это время писала:

«Правда о гуляйпольских событиях.

Из приведенного текста телеграммы товарища Махно к большевистским властям видно, что между народным революционным повстанчеством и большевиками шла длительная глубокая борьба. Вопрос был поставлен остро — или большевики, или свободное революционное повстанчество. Согласия между ними быть не может. Кто-либо из них должен уйти со сцены. И в этом отношении большевики пустились на отчаянно преступные средства. Они решили весь повстанческий район Гуляй-Поля предать огню и мечу, объявив иезуитски тов. Махно и его армию контрреволюционерами, защитниками кулаков и бандитов. Положение для товарища Махно оказалось невероятно трудное. Он видел, что Троцкому ничего не стоит создать новый внутренний фронт в среде трудового народа: что охваченный самомнением Наполеона, он готов кровь народа лить как воду, в полной уверенности, что его никто не призовет за это к ответу. Товарищ Махно — не Троцкий. Он сын трудового народа, ответственный за каждую каплю крови, за каждое его страдание. Поэтому создание в среде трудящихся нового фронта, так легко подготовлявшееся большевиками во главе с Троцким, для него явилось величайшим, никогда не прощаемым преступлением перед трудовым народом. И Махно готов пойти на все, чтобы предотвратить подготовлявшееся большевиками преступление. Он решается уйти от командования повстанческими войсками, послав ряд телеграмм большевистским властям о сложении с себя полномочий.

Но последним этого мало. Они стремятся вытравить всякий след революционного повстанчества, выбить из революционного народа всякую мысль о самостоятельном революционном творчестве жизни. И для этого начинает пользоваться тремя силами — силою деникинских банд, силою несознательных красноармейских частей и провокаций.

При наступлении Деникина и Шкуро большевики широко открыли им ворота в Гуляйпольский район. Они, прежде всего, в течение всего последнего периода не слали в Гуляй-Поле ни оружия, ни снаряжения. На протяжении всего повстанчества повстанцы были голы и босы и без вооружения. Когда им глубоко в тыл вторгся с многочисленной кавалерией генерал Шкуро, вооруженный с ног до головы, повстанцы дрались с ним, имея на руках по 5–7 патронов. Армия повстанцев, расположенная на берегу Азовского моря и до Кутейниково, оказалась обойденной. Кавалерия Шкуро свирепствовала в глубоком тылу, забирая селение за селением и подходя к самому Гуляй-Полю.

А в это время на ст. Чаплино стояли многочисленные красноармейские эшелоны, которые, сознательно задерживались в 100 верстах от гибнущего Гуляй-Поля, с намерением, что повстанчеству и его центру, Гуляй-Полю, будет нанесен смертельный удар армией Деникина, после чего войскам Троцкого можно будет без особого труда, и притом в качестве

спасителей революции, занять повстанческую территорию.

“Троцкий готов отдать всю Украину казакам, лишь бы раздавить революционное повстанчество”, — говорили многие левые большевики товарищу Махно.

Так оно и вышло. Все повстанчество и крестьянство Приазовья сознательно оставлялось без вооружения и без единого патрона. А когда на них нахлынули Шкуровские банды, они были отданы на произвол этих банд. Одновременно с этим, Троцким и его штабом была брошена провокация, что Махно и его командиры открыли фронт белогвардейцам. И в то же время был отдан приказ арестовать Махно, его штаб и всех повстанцев, с ним сражающихся, которые уже были изнурены и разбиты физически до последней степени непрерывными боями с казаками.

Так, путем предательства казаками, путем провокаций и силою несознательных красноармейских частей было раздавлено государственниками-большевиками революционное повстанчество на Украине.

Этот урок послужит трудовому народу грозным предостережением на будущее. Пусть помнят трудящиеся, что всякая государственная власть, называя она себя рабочей-разработчей пойдет на неслыханные преступления, на разрушение целых областей народной жизни, на предательство народа и его революции, лишь бы сохранить свое властническое положение, свои привилегии управлять народом.

Героическое вольное повстанчество разгромлено. Революция гибнет. Но велика еще в народе революционная энергия и сила. Мы верим, что за целым рядом таких разгромов придет третья, конечная, анархическая (безвластная) революция, которая установит настоящую правду на трудовой земле, где не будет места многочисленным властолюбцам и диктаторам, позорящим сейчас нашу революцию, где труд будет господствовать, а воля его торжествовать. И тогда все трудящиеся с особой любовью и вниманием будут вспоминать и чтить тех многочисленных безымянных сынов своих, которые, в тяжкую годину безправия и террора государственной партии, до конца оставались верными народу, неустанно боролись за его полную свободу и настоящее равенство.

Черкасов. Харьков, 20 июня 1919 года»[616].

В данный период важное военное значение играл участок фронта Кочергина, защищающий линию железной дороги Джанкой-Мелитополь-Александровск-Славгород. Только по этой дороге можно было эвакуировать из Крыма войска и грузы.

Вчерашние махновцы понимали это и, руководимые уцелевшими старыми командирами, стояли насмерть.

Целую неделю продолжалось сражение в районе Б. Токмака.

Противник рвался перерезать железнодорожную линию, закупорить Крымскую армию на полуострове и уничтожить ее.

Белые не жалели боеприпасов и свежих сил, расстреливали наши войска с расстояния, сами находясь в безопасности, а у нас патронов и снарядов так и не было. Но зато в рукопашных схватках, ночных вылазках наши части всегда одерживали победы.

Многие пали смертью героев в этих неравных боях, но обеспечили выход войск из Крыма. Федько вывел части Крымской армии через Чонгар и Перекоп на просторы Таврии и 30 июня по наплавному мосту через Днепр из Каховки в Бериславль отступили последние подразделения войск из Крыма и заняли линию фронта на правом берегу р. Днепр от Екатеринослава до Херсона.

1-го июля 1919 г. Крымская армия перестала существовать, преобразовавшись в дивизию 14-й армии.

В приказе говорилось:

«Согласно приказу по 14-й армии № 75 и постановлению Реввоенсовета Республики части бывшей Крымской Красной Армии переформируются в Крымскую советскую дивизию, номер коей будет дан полевым штабам РСФСР. Начальником дивизии назначен я — Павел Дыбенко. Заместителем моим назначается тов. Федько...»[617].

«В тяжелый момент, когда рабочие и крестьяне переживают нашествие белогвардейских банд, когда их селения, их села и фабрики подвергаются разграблению, а их семьи расстреливаются белогвардейской сволочью... его открытым насильником является так называемый батько Махно, который после явного предательства под Мариуполем и Гуляй-Подем, где Махно вместо защиты интересов крестьянства и рабочих занимался грабежами, пьянством, погромами, после того, как Махно и его штабная банда получила 35 млн. рублей, для удовлетворения нужд красноармейцев, а таковые были розданы и расхищены среди его приближенной банды; после того, как этот бандит своей неизменной агитацией еще до сих пор привлекает несознательные массы, этот бандит снова появился в районе вверенного мне фронта и стал проявлять свою предательскую работу. Пролетариат не может терпеть подобных подлецов и авантюристов, которые помогают белогвардейским бандитам.

Махно было предложено убраться с фронта, и если он революционер-партизан, отправиться в тыл белогвардейцам, но этот бандит вместо того, чтобы отправиться в тыл противника, занялся грабежами и насилиями, а потому бандит Махно и его ближайшие сотрудники, как предатели рабочих и крестьян, объявляются вне закона. Каждый местный гражданин обязан пристрелить бандита-предателя Махно.

Всех лиц, именующих себя махновцами, арестовать и препроводить ко мне в штаб для предания суду.

Настоящий приказ прочесть во всех частях и расклеить по деревням.

Нач. Крымской дивизии Дыбенко»[618]

Но желаемого облегчения этот приказ не принес. К тому же расстрел Дыбенком, без суда и следствия, у переправы через р. Днепр у с. Малая Лепетиха командира кавалерийского

полка просто так, без объяснения — на виду у всех, для острастки остальных, окончательно подорвал его престиж.

Приказ Дыбенко был прочитан и расклеен. Немедленно последовала реакция населения и войск.

В политсводке политотдела 14-й армии от 4-го июля 1919 года № 86 говорилось:

«...Население прифронтовой полосы.

Александровский и Кременчугский уезды.

В селениях от Пятихаток до Кременчуга: Желто-Александровское, Докторовка, Зубаевка, Каменнопотоцкая — настроение григорьевское. Коммунистов ненавидят. В этом районе, в Чибисовском лесу, засела какая-то банда, которая грабит и вырезывает население. Банды Махно и другие сильно мешают агитации среди крестьян тем, что арестовывают агитаторов и приговаривают их к расстрелу. Агитаторы белых забивают головы населению гнусной клеветой против коммунистов-большевиков. В общем настроение крестьян Мариупольского, Бердянского и Александровского уездов в пользу Махно, крестьяне открыто говорят, что Советская власть обидела Махно, а теперь Красная Армия отступает, и Махно опять придется защищать их. Необходимо в эту местность бросить опытных и энергичных агитаторов. Махно вновь организовал отряд и заявил беседовавшим с ним организаторам-агитаторам Политотдела 7 дивизии тов. Челискову и Тавридскому, что он никогда не пойдет против Советской власти, а, наоборот, будет биться до последней капли крови с белогвардейцами.»[619].

Политсводка политотдела 14-й армии от 6-го июля 1919 года № 87 гласила:

«... Запасно-маршевая бригада

9-й Заднепровский полк. В полку дает себя чувствовать дух партизанщины. Часть красноармейцев и командиров симпатизируют Махно. Среди красноармейцев имеются крупные собственники. Часть боеспособна... Развито национальное чувство и антисемитизм. Политком и командиры не принимают мер к искоренению указанных явлений. Политическая и культурная работа не ведется. Хозчасть не налажена...»[620].

В политсводке политотдела 14-й армии от 7-го и 8-го июля № 88 сообщалось о фронте.

«... 3-я бригада. Общие сведения о бригаде.

Бригада расположена около Мариенталь-Кичкасского моста-Нижняя Хортица.

На правом фланге появилась часть отряда Махно, состоящая из кавалерийского отряда Щуся, пехоты числом 5–6 тысяч и около 2 орудий. К ним перешло около трех орудий с артиллерийской прислужкой из артиллерийского дивизиона бригады. Настроение частей махновское. Состав бронепоездов т. Урицкого и т. Свердлова пьянствует и ведет открытую агитацию за неподчинение Советской власти, переход на сторону Махно. Началось бегство

одиночками и группами. Политработа не ведется. Снаряжения нет. Снаряды не получают уже 12 дней. Нет ни одного патрона. Комбриг Дьяченко, дабы не оставить оголенным фронт, начал переговоры с Махно, результат которых неизвестен.

Крымская дивизия Дыбенко.

Когда т. Дыбенко выступая с обвинением Махно, красноармейские массы кричали: “Мы тебя не слушаем, мы все перейдем к Махно”.

Екатеринославский боевой участок.

На участке в районе Запорожья действовали: 6-й Донской полк, 5-й кавалерийский, отряд Троцкого и отдельный артиллерийский дивизион. Командир участка Живодеров проявил полную нераспорядительность и несоответствие своему назначению, равно как и большинство командосостава боевого участка. Связь отсутствовала, разведка не велась, некоторые командиры покидали свои части. Общего плана боевых действий не было. Указания при наступлении и отступлении не давались. По ошибке броневики обстреливали свои части. Политкомы совершенно не выполняли своих функций контроля над командсоставом...»[621].

«Немаловажно отметить, что открытое недовольство проявляли наиболее боеспособные части, такие как, например, 3-й ударный полк, о котором в докладе о состоянии частей Крымской дивизии говорилось: “Командир Крымской, боевой, предан делу, пользующийся популярностью в полку. Полк состоит из тысячи человек, из которых 700 штыков махновцев... Полк обращает на себя особое внимание своей боеспособностью... Политком — Железняк, но в полк посланы ответственные работники...”[622].

Бойцы и командиры бывшей Повстанческой дивизии говорили, что Махно в тылу, да еще за Днепром в Никополе, никогда не сидел бы. Это Дыбенко любит воевать по тылам с безоружными и ветряными мельницами. Это он с Ворошиловым — два сапога — пара. Им не войсками командовать, а спекулянтков ловить по базарам, гарбузовыми семечками торговать...

Бойцы и гражданское население собирались толпами и обсуждали положение фронта и тыла, свою перспективу и приказ Дыбенко. Возникали стихийные митинги, на которых все чаще выступающие заявляли о бездарности военного и партийного руководства, о его предательской роли в борьбе за свободу, об умышленной дезорганизации фронта с целью пропустить Деникина на Украину для уничтожения его руками революционных сил, оказавших сопротивление политике Троцкого-Раковского-Пятакова.

Ворошилова и Дыбенко все чаще обзывали холуями Троцкого, которым поручена грязная работа увода войск из Украины в Россию. Недовольство в войсках росло и ширилось. Нужна была хотя бы небольшая победа.

Правый фланг Крымской дивизии подходил к Днепровскому и Бугскому лиманам и не был прикрыт, и там в любой момент мог высадиться десант противника. Со сдачей Екатеринослава нависла опасность наступления противника и на левом фланге дивизии.

Поэтому Дыбенко для защиты своего левого фланга решил отбить Екатеринослав.

Начальником екатеринославского боевого участка Дыбенко назначил своего заместителя И. Федько.

По Днепру началась перегруппировка войск. Неприятель бросал свои силы на Екатеринослав, удерживая его за собой; перебрасывались и наши полки.

Нажим со стороны Деникина до некоторой степени умерил пыл преследования красными махновских командиров. Оскорбления, обиды и красный террор утихли, и махновцы выявили свою преданность делу пролетарской революции. Они дрались на славу с белым врагом, который перед ними пасовал.

Красные и махновские командиры ужились и сдружились; махновские части были устойчивее красных.

Снимая полки со всего фронта дивизии, Дыбенко сосредоточивал их у Екатеринослава.

Бывшие махновские полки и их старые командиры — Новоспасовский пехотный, комполка — Вдовиченко и кавалерийский, комполка — Куриленко, переходили от Кочергина к Федько.

Екатеринослав становился центром общего внимания, и от того, кому город будет принадлежать, зависели дальнейшие операции на правобережье.

Но, воспользовавшись ослаблением фронта, деникинцы 10 июля заняли Александровск, Каховку, Скадовск и подошли к Алешкам (Цюрупинск), форсировав Днепр, заняли г. Никополь[623], выгнав оттуда штаб Дыбенко.

У красного комсостава победоносная война не получалась. Авторитета в войсках и боевых качеств, которые должны быть у крупного военного руководителя, ни у Дыбенко, ни у Ворошилова не обнаружилось.

12 июля 1919 года Наркомвоен Украины Н. Подвойский докладывал новому Главкому С. С. Каменеву, назначенному вместо снятого с поста 4 июля Вацетиса:

«4 июля, после падения Жмеринки и панического бегства наших частей, я был уполномочен Совообороны Украины совместно с Реввоенсоветом 12-й армии остановить бегущие части, привести их в порядок, взять обратно Жмеринку, соединить Киев с Одессой, а также слить рассеянные и отброшенные к Вапнярке и Виннице части, действовавшие ранее у Жмеринки, и соединиться с войсками проскурово-волочисского направления...

Наши эшелоны уже идут из Проскурова на Одессу и из Одессы.

Таким образом, возложенная на меня задача выполнена. Успех и энтузиазм, спаявшие небольшую организованную и ставшую победоносной ударную группу с хорошо управляющим умелым и энергичным комсоставом, обязывают меня предложить Реввоенсовету Республики для действительной и быстрой помощи Южфронту в районе 14-й

армии поручить мне перебросить эту ударную группу к 14 армии, при помощи ее быстро переформировать, обновить и перевести в боевое состояние 14-ю армию, назначив для этого туда командармом командующего этой группой т. Бабина. Особых полномочий мне не нужно, лишь бы я был гарантирован от помех.

Все меры будут строго согласованы с оперативными соображениями командования. Неудачи 14-й армии происходят не от малочисленности войск, а от расхлябанности и дезорганизованности как штабной работы, так и командования высшего и низшего, а также от отсутствия организованности на фронте и слабой связи.

Полагаю, что смогу улучшить положение 14-й армии, приняв необходимые, быстрые, решительные меры в указанном направлении.

Наркомвоен Украины Н. Подвойский»[624].

Командармом 14-й армии был т. Ворошилов, речь идет о нем и его штабе.

Такую убийственную характеристику своей практической деятельности командарм 14-й заслужил непригодностью к руководству. Кстати за это он уже был освобожден от командования 10-й, пробыв на этом посту всего 45 дней. Забегая немного вперед, можно сказать, что 18 июля Ворошилов будет освобожден от командования 14-й армией, на этот раз он находился на посту 41 день.

Ворошилову не повезло. Не было спины, за которую можно бы спрятаться, и не было Махно, на которого можно все свалить. И король оказался голым.

Но это не был закат «военного таланта». Наиболее ярко он расцветет позднее, в период так называемого культа личности Сталина. Когда, достигнув вершин Народного комиссара обороны СССР, Ворошилов подпишет сотням ни в чем не повинных соратников по гражданской войне смертные приговоры, в том числе и Дыбенко.

Но вернемся к Екатеринославу.

Сосредоточенных к 14 июля на подступах к городу наших сил было вполне достаточно, чтобы отбросить за Днепр незначительные силы противника.

13-й пехотный полк успел пополниться и вместе с Ленинской бригадой и бригадой Живодера[625] занимали Сухачевку, Краснополье и Сурско-Литовское. Туда же прибыли Новоспасовский полк Вдовиченко и кавполк Куриленко.

И еще до начала главного штурма города командарм 14-й Ворошилов поспешил отправить в адрес Предсовнаркома Раковского следующую телеграмму:

«14 июля в восемнадцать часов взят Екатеринослав Н-ской Крымской дивизией; часть банд противника отрезана и находится в районе Екатеринослав-Сухачевка. Меры к полной ликвидации приняты»[626].

Но в сущности войска только готовились к штурму и занимали исходные позиции.

На рассвете 15 июля наши части перешли в наступление на город, сопровождавшееся предварительной артподготовкой. В городе была паника, и мы успели уже занять окраину и проникнуть в город. Но последовал приказ об отступлении. Мы повернули обратно. Шкуровцы пришли в себя и начали преследование. В наших рядах была полнейшая паника: Ленинская бригада, бросая оружие, бежала на Сухачевку, за нею бригада Живодера, который в эту трудную минуту бросил участок и удрал в Кременчуг. В состав Крымской дивизии входили наши махновские полки, о которых я упоминал, они не подчинились приказу об отступлении. А глубже продвигались в город тогда, когда «ленинцы» и «живодерцы» были уже в Сухачевке. Шкуро налег всеми силами на эти два полка и сильно их потрепал, они были отрезаны. Однако, выйдя из города и построив каре, отступили на Михайловку.

Предсовнаркома Раковский, как Ворошилов и Дыбенко, тоже очень нуждался в победах и 15 июля сообщал:

«Вне всякой очереди.

Всем губернским, уездным и волостным исполкомам, ревкомам и военкомам.

Сегодня красными войсками взят Екатеринослав. 15 июля 1919 г. № 3770. Предсовобороны Раковский»[627].

Мнимая победа была бы недооформлена без похвалы и Раковский отвечал «доблестным войскам»:

«В реввоенсовет Н-ской армии.

От имени совета народных комиссаров приветствую красноармейцев и командиров и, в частности, храбрую дивизию за освобождение Екатеринослава.

От храбрости, выдержанности и дисциплины Красной Армии зависят не только укрепление Екатеринослава за нами, но и новые победы.

Предсовнарком Раковский»[628].

Бюро печати Украины в своей сводке сообщало:

«Под Екатеринославом продолжаются упорные, ожесточенные бои. В газетах уже появилось сообщение, что Екатеринослав взят нашими войсками. Были указания, что наши правофланговые части ворвались на южную окраину города, где завязался упорный бой. Ожесточение и упорство боя видно из того, что Кубанский офицерский батальон в 600 человек почти полностью был уничтожен. Тем не менее, получив новые подкрепления, противник успел оттеснить наши части от Екатеринослава. Бой за Екатеринослав еще не окончился. Противник постарается сохранить его за собой во что бы то ни стало...»[629].

Наше поражение у Екатеринослава в дальнейшем знаменовалось отступлением без малейшей попытки удержать незначительные силы белых, которые группой продвигались на Знаменку, южнее отрезая у Днепра участок Федько, Кочергина и Кнегницкого.

Но бойцы идеологического фронта не могли не лгать, не ловчить и они писали:

«...Бандиты, враги народа, Григорьев, Махно и их приспешники разложили наши ряды и сдали красный Харьков и Екатеринослав. Смерть предателям Григорьеву и Махно!...»[630].

В заключение уместно отметить: самым большим преступлением махновщины и по сегодняшний день считается то, что махновцы на своем участке — Мариуполь–Еленовка, открыли фронт Деникину.

Этот ярлык троцкистов без изменений перекочевал и в современную историю.

Так читаем: «29 мая Махно открыто выступил против Советской власти; махновские части полностью обнажили занимаемый ими участок фронта и ушли в тыл...»[631].

«Конный корпус генерала Шкуро вдребезги разбил южнее Гуляй-Поля бригаду анархиста Махно, который в то время действовал на стороне Красной Армии. Затем Шкуро обрушился на 13-ю армию. Остатки махновцев, оголив фронт, ушли в тыл. Вскоре Махно внезапно выступил против Советской власти...»[632].

«Недисциплинированные, без должного руководства, хоть и многочисленные силы махновцев (на 20 мая в распоряжении Махно числилось 20 тыс. человек) не оказали сопротивления белогвардейским войскам, которые предприняли наступление, и в панике бежали с занятых позиций...»[633].

«...противник, произведя демонстративные атаки на многих пунктах западного участка, ударом значительных сил при поддержке танков прорвал наш фронт в Юзовском районе на стыке 2 Украинской и 13 армий, где войска батьки Махно открыли фронт почти на 80 верст и, бросив в прорыв не менее дивизии конницы с артиллерией, заставил фланговые части обеих армий сразу отойти на 40 верст к северу и югу от пункта прорыва, что при недостатке у нас резервов дало ему возможность успешно развивать действия в этом районе, постепенно оттесняя наши фланговые части...»[634].

Ну и так далее.

Реввоенсовет Республики возглавлял Троцкий и, естественно, что военный аппарат должен был отвечать требованиям хозяина. Поэтому в сводках, подаваемых В. И. Ленину Троцким и главкомом Вацетисом, информация о махновщине не отвечала действительности.

Так было и с открытием фронта махновцами. Мнимое открытие фронта произошло до 26 мая. Если так, то единственная железная дорога Мариуполь–Волноваха была бы блокирована противником и вывоз угля из Мариуполя был бы немислим. Но 26 мая В. И. Ленин, будучи уверен, что железная дорога в данное время функционирует, телеграфирует Совнаркому Украины о погрузке угля из Мариуполя в Петроград[635].

В действительности, когда нас обвиняли в открытии фронта, мы с большим трудом (из-за отсутствия боеприпасов), держали линию фронта восточнее железной дороги Мариуполь-Еленовка, и она функционировала до 3 июня.

Махновцы, по всем расчетам близоруких политиканов, отчеты которых еще с января 1919 г. заверяли все инстанции в контрреволюционной сущности махновщины, должны были открыть фронт или вообще перейти на сторону Деникина. И для этого Троцким было сделано очень много. Махновцев буквально толкали, принуждали сойти на путь измены революции.

Их оскорбляли, унижали, на них лгали в печати и устно, их постоянно подозревали и обвиняли в выступлениях против Советской власти; акцентировалось, что движение это кулацкое, а в штабах сидят офицеры, и т. д.

Не сумев спровоцировать повстанцев на вооруженное выступление, троцкисты еще 25 мая 1919 г. постановили «...ликвидировать махновщину в кратчайший срок...»[636]. И все остальное было подчинено этой идее.

Упорно желая дискредитировать махновщину, троцкисты подняли новую волну охаивания в печати и устно. А своим распоряжением № 96/с Троцкий полностью лишил повстанцев возможности вести боевые действия против Деникина.

Повстанческих бойцов и командиров расстреливали. Но и это не столкнуло повстанчество в лагерь контрреволюции, не оправдало надежд и прогнозов троцкистов на Украине. Фактически повстанчеству была объявлена война. Сначала тайно, а потом все более откровенно.

Травля махновщины в прессе и в приказах Троцкого, репрессии, строгий запрет выдавать повстанцам боеприпасы способствовали ослаблению красного фронта, победам Деникина.

Махно понимал это и, желая устранить трения между повстанцами и представителями власти, решил уйти с поста начдива.

Махно еще был на фронте, когда узнал о существовании приказа Троцкого об аресте командного состава Повстанческой дивизии. Вместе со штабом, ВРС повстанцев и «Черной сотней»(гвардия махновщины до 200 отчаянных кавалеристов), стали проявлять недоверие к красному командованию и вскоре ушли в тыл для организации партизанской борьбы с Деникиным.

После явного предательства фронта Троцким, после ухода Махно в тыл, в продолжающемся в повстанческих войсках красном терроре, повстанцы под руководством своих командиров не поддались троцкистским провокациям и не изменили Революционному фронту. Они проявили идейную преданность пролетариату, моральную стойкость и веру в торжество справедливости. Повстанцы не бросили фронт, не перешли к Деникину, не разошлись по домам, а продолжали проливать кровь во имя своих идеалов и светлого будущего.

И это было действительно так.

